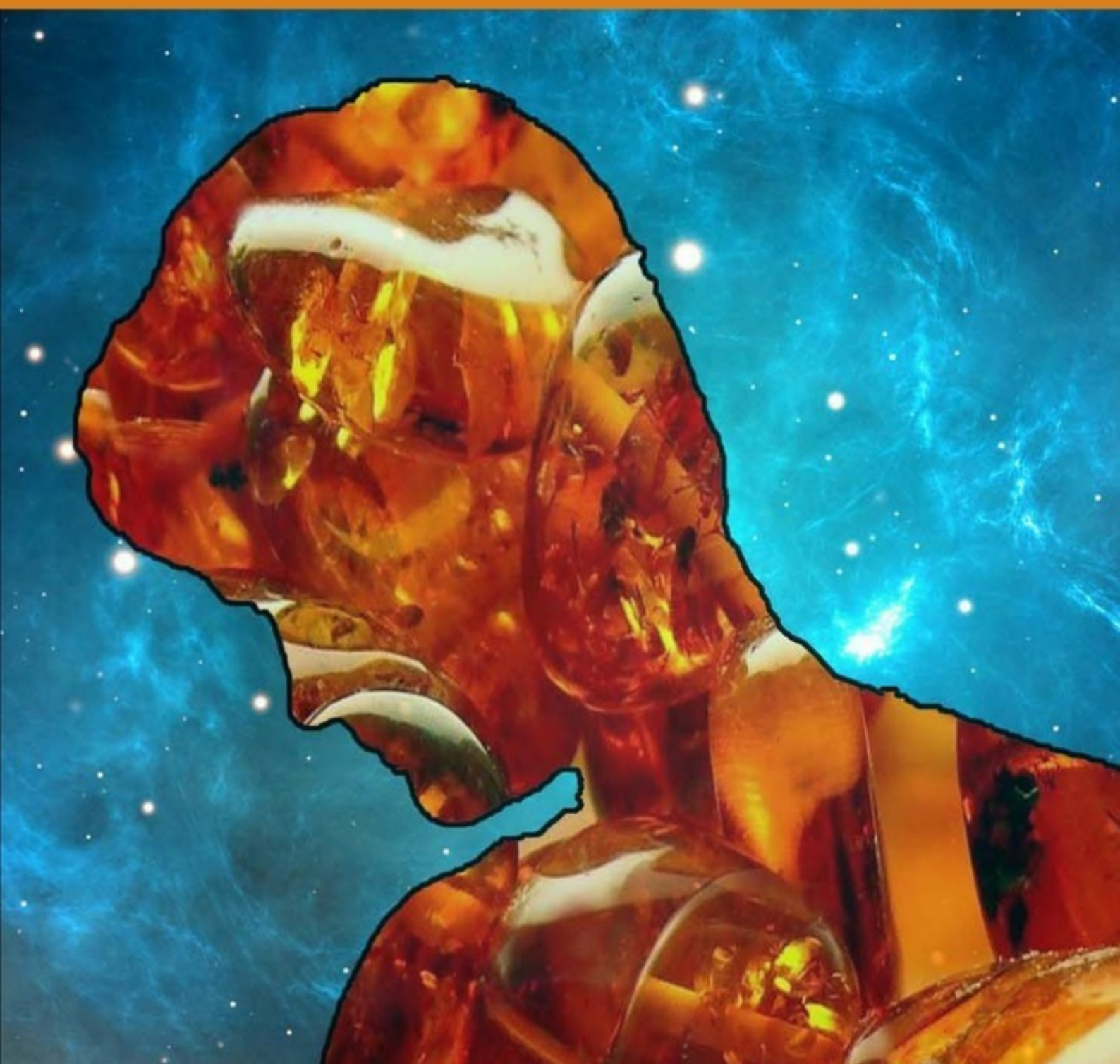

Рони Ротэр

Мошки в янтаре

Отметина Лангора. Стена, которой нет. Пробуждение

Рони Ротэр

**Мошки в янтаре. Отметина
Лангора. Стена, которой
нет. Пробуждение**

«Издательские решения»

Ротэр Р.

Мошки в янтаре. Отметина Лангора. Стена, которой нет.
Пробуждение / Р. Ротэр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834126-7

На Земле её звали Верой. Она потеряла свое имя, свое тело и свой мир. Теперь её имя — Вайра. К чему может стремиться человек, попавший в незнакомый и чуждый мир? Только к одному — вернуться домой любыми средствами. Даже дорогами Тьмы, став её орудием. Легкие обещания обернутся для многих суровыми последствиями. Ей предстоит понять, что у обещаний и клятв есть своя цена, порой немалая. Но главное — ей предстоит решить, где её настоящий мир. Вы держите в руках первый том этой истории.

ISBN 978-5-44-834126-7

© Ротэр Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

**Мошки в янтаре
Отметина Лангора. Стена,
которой нет. Пробуждение
Рони Ротэр**

© Рони Ротэр, 2016

© Вероника Евгеньевна Ротор, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4126-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Отметина Лангора

Глава 1

Будильник в сотовом телефоне тихонечко запиликал, и чтобы его выключить, пришлось встать и подойти к столу, что немного развеяло сон. Окончательно осознать, что время отдыха истекло, помогла холодная вода из-под крана.

Вера поставила чайник и пошла краситься. Из зеркала трюмо ей подмигнула тридцатилетняя женщина с круглым лицом, вздернутым носом, и пухлыми губами, которые просто обожали посмеяться, обнажая ровные зубы.

– Да, мадам, – укоризненно покачала головой Вера, критически глядя на свое отражение, – если ты будешь продолжать жрать по ночам, сброшенные десять килограмм вернуться всеми двадцатью!

Работала Вера в учреждении, по нынешним временам не престижном и не денежном. Но работа нравилась, коллектив был замечательный, и зарплаты вполне хватало, если не транжирить. Расставшись с мужем, Вера твердо решила больше не связывать себя узами брака. Она нравилась мужчинам, легко увлекалась сама и редко была одинока, чем и была вполне довольна. Вот только с детьми как-то не задалось.

Шесть остановок на маршрутном такси, немного пешком, и привычный ритм работы захватил и закрутил в круговороте важных и не очень, событий. В середине дня пискнул, принимая электронную почту, компьютер – Евгений Викторович, а для сотрудников просто Женька, прислал фотографии. Уже целую неделю он, будучи в отпуске, жарился на солнышке в Испании, не в пример некоторым несчастным, промерзающим на уральских просторах. Всем отделом в шесть человек столпились у монитора, обсуждая и комментируя.

– О, гляди, море! Счастливчик!

– Смотри, смотри, сувениры выбирает!

Верино внимание привлекла фотография, сделанная в небольшом кафе, находящемся прямо на улице. На заднем плане, вполоборота к столику, за которым с блаженной улыбкой на лице сидел Женька, стояла смуглокожая девушка в легком топике и короткой юбочке, с бумажным стаканом в руках. Но не цвет кожи, и не затейливая татуировка, покрывающая плечи и руки до локтя, привлекли внимание Веры. У случайно попавшей в кадр испанки (а может, туристки), глядевшей прямо в объектив хмурым взглядом удивительно светлых, голубых глаз, были сиреневые волосы.

– Мама негритянка, папа скандинав? – усмехнулась Вера

– Или наоборот, – Марина тоже заметила нелепое сочетание цвета. – Может, это парик, а не краска? В любом случае, не стоило себя так уродовать. Дикий колор.

– Эх, Верка! – чмокнул губами Вовик-программист. – Вот где отдыхать надо! А ты – в тайгу!

– Так я ж не на отдых, – возвела глаза к потолку Вера. – Командировка! Хотя, если разобраться, отдохнуть везде можно. Было бы желание.

– Ну и какой отдых в тайге? – скривилась Марина.

– Прекрасный! Рыбалка, ягоды, грибы, охота, – начала перечислять Вера.

– Ага. А еще комары размером с медведя, – засмеялся Вовик. – Когда летишь-то?

– Самолет послезавтра в четыре утра, – вздохнула Вера. – Не высплюсь опять.

– В полете отоспишься, лететь не один час. Ша, начальник идет! – Марина поспешно закрыла окно Интернета. – Работаем!

– Бойтесь летать? – сидящая рядом женщина улыбнулась Вере.

– Не знаю еще, первый раз, – ответила Вера. – Я все больше поездами.

– А я много летаю, – кивнула попутчица. – Работа такая. И знаете, поняла, что самое лучшее времяпрепровождение в полете – сон. Спите! И время незаметно пролетит. Простите за тавтологию, – она засмеялась.

Вера улыбнулась в ответ. Прикрыла глаза, следуя совету, и тут же заснула. Разбудили её резкие толчки и истошные крики пассажиров. Дрожащий женский голос из динамиков угорваривал всех успокоиться. Вдруг кресло завалилось вбок, на Веру посыпались чьи-то вещи, замигали лампы в салоне, из боксов вывалились кислородные маски. Внезапное ощущение непоправимых, страшных событий сменилось резкой болью и бессознательной темнотой.

Первым осознанным чувством была нестерпимая боль. Болело всё. Потом вернулось осмысление беды, переросшее в липкий, холодящий внутренности страх.

– Только не это, это не со мной, этого не должно быть!!!

Вера попыталась открыть глаза, но не смогла – что-то мешало. Попробовав пошевелить руками и повернуть голову, она поняла, что тело её не слушается. И заплакала. Больше всего она боялась именно такой беспомощности. Боялась стать инвалидом, прикованным к постели, обузой для родных людей. Боялась увидеть в глазах близких досаду на её бесполезность, и постоянное ожидание. Ожидание конца.

«Господи, помоги!» – лучше умереть сейчас, чем после долгих лет изматывающего тело и душу существования.

Одно за другим сквозь сознание проплывали странные образы – лица незнакомых людей, древние города с деревянными постройками, высокими валами и глубокими рвами вокруг бревенчатых стен, неведомые горы, возносящиеся вершинами в облака.

Привиделось счастливое лицо зеленоглазой женщины с огненными волосами, а рядом с ней – улыбающийся светловолосый мужчина. Они что-то ласково говорят и манят Веру, словно ребенка, она идет к ним, и они оказываются удивительно высокими по сравнению с ней.

Другое лицо – лицо старика, морщинистое и злое, с зелеными, как свежая листва, глазами. Он кричит, и от этого страшно. В огромной зале под руками старика – большие каменные кошки, они кажутся живыми и пугают своей неподвижностью. Рыжеволосая женщина плачет, прижимается мокрой щекой к щеке Веры, а её руки, неожиданно сильные, больно стискивают плечи, не дают вздохнуть. Это неприятно и тоже страшно. Два рыжих воина разжимают руки женщины, освобождают Веру из объятий, и уводят.

Другой светловолосый мужчина со скорбным лицом, осторожно пробираясь меж заснеженных гранитных глыб, бережно несёт её, завернутую в плащ. За спиной мужчины – большие каменные ниши и выступы, на них стоят люди с короткими копьями в руках, и смотрят вслед.

Светлая лицом и волосами женщина, подходя к стремени коня, принимает из рук наездника Веру. Большеглазый беловолосый мальчик выглядывает из-за юбки матери. Женщина что-то говорит, печально и ласково, мальчик слушает, улыбается, берет Веру за руку и ведет к большому деревянному дому.

Внезапным грохотом железа, ржанием лошадей и яростными криками людей врывается в сознание видение дикой битвы. И тонкий, с алыми разводами на лезвии меч, стремительно

приближающийся к Верину лицу. Солнце, отразившееся на клинке, обжигает глаза, и наступает мрак.

Разбудило Веру осторожное прохладное прикосновение. Кто-то нежно и бережно касался лица мокрой тканью.

«Как хорошо, – подумала Вера, не открывая глаз. Мысли ползли медленно и осторожно, – Что-то... случилось. Самолет. Да. Это... больница? Наверное».

Шевелиться не хотелось, и, не поднимая век, она принялась вспоминать ощущения, посещавшие её в краткие моменты сознания. Помнилась дикая, нестерпимая боль, охватывающая голову, словно огненным обручем, непонятные разговоры на чужом языке, и странные запахи. Боль, сосредоточенная в правой половине головы, осталась, но была уже не такой изматывающей и казалась привычным чувством, подтверждающим состояние жизни. Беспokoил странный запах – овечьего загона, кожи, костра и ещё чего-то: то ли травы, то ли цветов.

– Здорово, если меня в одну палату с бомжами или цыганами засунули! – уже эмоциональнее подумала Вера. Послышался шорох, шаги, и сидящий рядом человек ушёл. Вера решилась открыть глаза.

Первое, что она увидела, был бревенчатый потолок, на котором ярким пятном отсвечивало рассветное солнце. Сбоку на стене висел лук. Коричневый, красиво изогнутый. Рядом с этим чудом в неприхотливом порядке, но аккуратно располагались на стене колчан со стрелами, длинный меч и ножны с четырьмя метательными ножами, хищно выглядывающими из-под ремней. Сталь лезвий отражала солнечные лучи, проникающие в открытое окно на противоположной стене.

Шерстью пахло от плотного одеяла, которым Вера была укрыта до подмышек, запах цветов источали сухие пучки травы, развешанные над дверью и окном. Из окна в комнату проникали звуки, не свойственные больничной, да и вообще городской обстановке – щебет птиц, ржание лошади, мычание коров, лай собак. И голоса. Говорили мужчины, временами в их разговор вплетался голос женщины, но слов было не разобрать.

– Бред какой-то. Я что, с ума схожу? – ещё не вполне осознавая увиденное, Вера осторожно попыталась приподняться на постели. Голову пронзило резкой болью, и она со стоном опустилась на подушку. Полежав, пока боль не уймется, осторожно повернулась на бок, сбросила одеяло, и опустила ноги на деревянный пол.

Тело после долгой неподвижности подчинялось вяло и неохотно, как чужое. Каждое усилие отзывалось тупой болью в правой половине головы. Опустив взгляд, Вера обнаружила на сильно похудевшем теле бледные синяки. Осознав, что она совершенно голая, Вера принялась оглядывать комнату в поисках какой-нибудь накидки. У окна, в которое восходящее солнце щедро лило свои розовые лучи, стояли стол, сундук и скамья. На сундуке аккуратной стопкой была сложена одежда. В состоянии, близком к обмороку, преодолевая сильнейшую слабость и придерживаясь рукой за стену, Вера добралась до сундука и протянула руку за верхней вещью в стопке. Ею оказалась белая рубашка.

– Не мала ли? – с сомнением подумала Вера, носившая пятьдесят второй размер одежды. Но рубашка на удивление свободно окутала тело до колен. Ноги дрожали, и Вера опустилась на скамью. Её взгляд остановился на металлическом подносе, который, как зеркало, отражал стоявшие на нем кувшин и кубок. Вера неуклюжим рывком подтянула поднос к себе, кувшин опрокинулся, и по столу потекла вода. Держа поднос обеими руками, Вера заглянула в него.

Из овала не неё смотрела девушка лет двадцати. По плечам свободно разметались длинные, спутанные, давно не мытые волосы цвета осенних кленовых листьев. Густые брови недоуменно приподнялись, а яркие зелёные глаза под ними смотрели с ужасом и непониманием.

Потрескавшиеся сухие губы кривились, открывая белые ровные зубы с чуть удлиненными верхними клыками. Правая сторона исхудавшего, с ввалившимися щеками, лица была отмечена большим, уже затянувшимся порезом, шедшим от виска к нижней скуле. Рука Веры непроизвольно метнулась к лицу, и отражение тем же самым движением протянуло руку и дотронулось до своей щеки.

– А-а-а!!! – крик вылетел в открытое окно и взметнул с крыши перепуганных птиц. Вера отбросила поднос от себя. Вцепившись в край стола, она резко поднялась и сделала несколько неверных шагов к двери. Но вдруг комната поплыла в глазах, завертелась каруселью. Послышался торопливый топот, дверь распахнулась, и в комнату вбежали двое мужчин. Следом за ними через порог переступила женщина. Один из вошедших, молодой, высокий и светло-волосый, опередив остальных, бросился навстречу Вере, воскликнув:

– Вайра!

Вера больше ничего не успела разглядеть. Всё скрылось во вновь наплывшем на сознание тумане, и она упала на руки подоспевшего мужчины.

Ирве подхватил сестру на руки, подбежал к ложу и осторожно опустил её на подушки. Ори, отстранив сына, присел на краешек кровати и приложил ладонь к щеке Веры. С его губ слетели тихие слова:

– Дочка, умница моя.

В комнату заглядывали люди. Ори посмотрел на обеспокоенные лица домочадцев, и громко произнес:

– Слава Валкуну, Вайра очнулась. Нейна отпустила её в мир живых!

Радостный гомон, улыбки и смех стали ему ответом. Ори взглянул на жену.

– Надо немедленно сказать Баэлиру.

– Я сообщу! – вскочил Ирве, не дожидаясь, пока мать ответит, и, отстранив скопившихся у двери родственников, торопливо вышел.

Айна опустилась на кровать возле мужа, и взяла Веру за руку, вглядываясь в её лицо. По щекам женщины скатилась пара слезинок.

– Слава богам, – шептала она, сжимая ладонь Веры в своих ладонях. – Слава Валкуну, и Уннии, и Нейне.

– Ну, хватит, – голос Ори был тверд. Он отстранил жену и поднялся сам. – Хватит причитать. Не на погост же провожаем, жива, милостью Валкуна. Иди-ка лучше приготовь подношение Баэлиру. Да не скупись, чтоб мне перед жрецом не краснеть. Встречу я его сам. Потом придешь сюда, с ней побудешь. А вы, – Ори сурово глянул на толпившихся в комнате домочадцев, – чего рты поразевали? Нечего тут, все вон.

Люди поспешно покинули комнату больной. Лишь Айна задержалась, чтобы еще раз взглянуть на дочь. Но потом, послушная взгляду мужа, и она скрылась за дверью.

Ори остался один возле дочери. Он вгляделся в её осунувшееся лицо, осторожно провел рукой по рыжим прядям, убирая их со лба. Рука на мгновение задержалась над шрамом. В его серых глазах мелькнули жалость и беспокойство. Оно мгновенно сменилось невозмутимым спокойствием, едва Ори увидел, что девушка вздохнула, шевельнулась и подняла веки.

– Доброе утро, – скупно улыбнулся и кивнул Ори. И растерялся, увидев на её лице недоумение и страх. И ни намека на узнавание.

– Вайра? – он протянул к ней руку.

Вера отпрянула. Накатила паника, и она с трудом сдержалась, чтобы не оттолкнуть сидящего подле неё мужчину. Она его не понимала и не знала! Но видела раньше. Видела в бредовых видениях, посещавших её. Это он нес её на руках по горам, укрывая плащом.

– Вайра, ты что? Это же я, – Ори оторопело смотрел на дочь.

Вера отодвинулась еще дальше, и подтянула одеяло до подбородка.

– Пожалуйста, не трогайте меня! – голос дрожал. – Вы кто?

Брови мужчины взлетели вверх в ответ на слова чужого, непонятного языка. Ори потрясенно смотрел на девушку. Она – недоверчиво и испуганно – на него.

В этот миг в комнату заглянула маленькая девочка.

– Дядя Ори! Ирве и Баэлир пришли.

– Хорошо, иду, – помедлив, ответил Ори. – А ты беги-ка, приведи сюда тётю Айну.

Девочка кивнула светлой головкой, и скрылась. Ори поднялся, и, не сводя глаз с девушки, отошел к двери.

– Подождите! – окликнула Вера, видя, что мужчина собирается уйти. – Да постоите же! Вы говорите по-русски? Ду ю спик рашн? Чёрт! Дую спик англиш? Парле ву франсе? Не уходите!

Девушка на кровати выкрикивала непонятные слова, а сердце Ори холодело от дурных предчувствий. Резко толкнув дверь, он стремительно вышел из комнаты дочери, и лицом к лицу столкнулся с женой.

– Баэлир уже здесь! – быстро зашептала она. – Они с Ирве в большой комнате. Ждут тебя.

– Иду уже, – хмуро ответил Ори.

– А как она? – Айна приоткрыла дверь, готовясь войти, и вопросительно взглянула на мужа. – На тебе лица нет. Что такое?

– Она-то? – Ори приостановился. Потом плотно прикрыл дверь, и, склонившись к жене, тихо сказал, – Айна, я прошу, что бы ты ни увидела и не услышала, молчи. Чтобы ни слова при жреце. Я всё улажу.

– Что уладишь? Что с Вайрой? – Айна побледнела.

– Не знаю. Что-то неладно. Иди, побудь с ней. Помни, что я сказал.

Айна постояла, глядя вслед мужу, и обдумывая его слова, а потом нерешительно приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

Оставшись одна, Вера снова осмотрела комнату, в которой оказалась. Привстала на постели и дотронулась рукой до ножен на стене. Они тихо закачались на ремне.

– Точно. Шизофрения. А это палата в дурдоме. И меня глючит. Интересно, тот дядька кто – доктор или пациент?

Она спустила ноги с постели, осторожно потрогала пальцами пол. Коснулась болевшей головы. Вспомнив, зажмурилась, ухватила прядь длинных волос, поднесла к лицу, и, выдохнув, открыла глаза. Волосы были рыжие, яркие, как огонь. Вера сжала кулак, дернула и охнула.

– Ах, зараза, настоящие!

Она поднялась, проплелась по голым доскам, нагнулась, опираясь рукой о стол, и подняла поднос. Снова устроившись на кровати и крепко обхватив поднос обеими ладонями, она осторожно заглянула в полированный овал.

– О господи, – сорвалось с её губ после нескольких минут созерцания.

– Вайра?

Вера подняла глаза и увидела светловолосую статную женщину, стоящую в дверях и с беспокойством наблюдающую за ней.

– Здравствуйте, – сказала Вера, отложив импровизированное зеркало.

Женщина охнула, прикрыв ладонью рот. Но не ушла. Напротив, вошла в комнату и плотно притворила за собой дверь. Потом приблизилась и опустилась на кровать возле Веры.

– Дочка, это же я. Ты меня узнаешь? – Айна протянула руку, касаясь головы девушки. Вера отстранилась, так как прикосновение к болевшей голове было неприятно. Стараясь держать себя в руках, она спросила.

– Я где? Это больница? Ну, понимаете? Э... хоспитэл?

На лице Айны отразился ужас.

– Милостивый Валкун, – выдохнула она. – Только этой напасти не хватало.

В этот миг дверь широко распахнулась, и в комнату вошел Ори. Айна, увидев мужа, поспешно встала и отошла от кровати. Вслед за Ори в комнату вступил широкоплечий, сутулый, не старый еще мужчина. Вера подтянула ноги на кровать, набросила на себя одеяло, с опасением глядя на приближающегося человека, и подумала, что для сумасшедшего дома здесь слишком уж свободные порядки.

Щелкнули друг о друга вплетенные в концы длинных седеющих волос амулеты – деревянные фигурки, качнулась высушенная звериная лапа с длинными когтями, привязанная к поясу жреца, и Баэлир наклонился к Вере. Подергивая губами, он пристально смотрел на неё серыми глазами – круглыми и выпуклыми, с частой сеткой капилляров.

– Небывалое чудо посетило дом твой, танед. Возблагодари Валкуна и Нейны милость скромным даром.

Голос у него был очень низкий и сиплый.

– На подношение я не поскуплюсь, Баэлир. На что укажешь, то тебе и отдам.

– Мне не надо ничего. Сам выбери. Богам жертвуй.

Жрец протянул худую жилистую руку, и, цепко ухватив Веру за подбородок, повернул её голову влево, потом вправо.

– Да что вас всё к голове-то моей тянет! – Вера выдернула подбородок из неправдоподобно горячих пальцев визитера, оттолкнула от себя его руку. – Что здесь вообще происходит, а?

Глаза жреца выкатились еще больше, он отпрянул, резко выпрямился, и повернулся к Ори.

– Что за наваждение! Во имя Верхних богов! Не нашу речь слышу я. Не голосом ли Неназываемого говорит дочь твоя с нами, Ори?!

Айна, почувствовав внезапную слабость, прислонилась к стене. Ори смотрел на жреца, не зная, что сказать, и лихорадочно ища ответ.

– Это нимхийский язык.

Айна удивилась словам мужа, но не произнесла ни слова. Удивился и Баэлир. Недоверчиво и пристально глядя на Ори, он переспросил.

– Нимхийский?

– Да, – твердо ответил Ори. – На нем говорила её настоящая мать. И её соплеменники. Возможно, Вайра потеряла память. Эта рана... чудо, что она вообще жива. Но я не сомневаюсь, Баэлир, что со временем всё образуется.

– Чудо, да, – пожевал губами жрец, косясь на Веру. – Кто же сотворил его только? Не хуже меня ты, танед, знаешь, что не выживают после ран таких. Как же её отпустила Нейна из Нижней обители, из Холодного дома?

– Ты сам говорил, что воля Валкуна выше власти Нейны.

– Но не выше Неназываемого воли. А похищен если Тёмным Повелителем разум приемыша твоего?

Жрец испытующе взглянул на Ори. Айна охнула, Ори нахмурился.

– Это не так! Вайра поправится, всё вспомнит и станет прежней.

Баэлир покряхтел, посопел, вздохнул, раздумывая.

– Не поддавайся искушению, Ори. Хитрость Неназываемого велика, и изощренны обмана способы, с пути прямого сбивающие. Не подвергнуть ли испытанию её? Тогда наверняка знать будем.

– Нет, – вскинулся Ори. – Я не позволю! Вайра перенесла такое... Немудрено, что она ничего не помнит! Я же сказал – она поправится.

– Так быть, – неохотно уступая, качнул головой жрец. – Но я смотреть за ней буду, танед. А там уж моя воля.

Он бросил последний тяжелый взгляд на Веру, и вышел. Ори, нахмурившись, смотрел жрецу вслед. Как только шаги Баэлира затихли, он громко вздохнул и оглянулся на Веру, притихшую на кровати.

– Вайра, Вайра, что ж ты с нами делаешь.

Айна всхлипнула и выбежала из комнаты. Ори остался. Вера всмотрелась в серые глаза мужчины напротив. И увидела в них горечь и тревогу. Она не поняла ни слова из разговора, состоявшегося между ним и тем, другим. Она поняла другое – её жизнь изменилась. Насколько сильно, еще предстояло выяснить.

Ирве стоял, задумчиво глядя на спокойно журчащую воду Снети. В прозрачных речных струях, закручивающихся в маленькие водовороты, кружились падающие с береговых ив листья. Неслышно подошедший Ори положил руку на плечо сына.

– Отец, – оглянулся Ирве. – Как она?

Ори не нашелся, что сказать, и лишь молча покачал головой.

– Ох, – выдохнул Ирве. – Не знаю. Не понимаю. Вообще ничего. Уже два дня, как Вайра очнулась, а мне кажется, что её с нами нет.

– Да, – брови Ори сошлись на переносице, – дорого же то столкновение обошлось нашему тану. Четверо. И Вайра... Всё же для девушки это слишком большое потрясение – видеть, как изуродовано шрамами лицо. Не всякий мужчина быстро смирится с этим.

Ирве протестующе тряхнул головой.

– Дело не в шраме, отец. Вайра сильная. Очень сильная. – Он отвернулся, и снова стал смотреть на воду глазами, полными смятения. – Дело в ней самой. Она никого не узнаёт, все время молчит. Молчит или плачет, или говорит на чужом языке. Я не понимаю, что с ней! Такое ощущение, что в её тело вселился кто-то чужой.

В последних, совсем тихих, словах молодого доvgара промелькнул едва уловимый страх. Ори вздохнул. Они были так похожи – отец и сын. Оба высокие, сильные, с открытыми волевыми лицами – как все люди народа доvgаров. Седина была почти не видна в светлых волосах Ори, серые глаза смотрели на сына задумчиво. Ирве во всем походил на своего отца, та же стать воина, те же светлые волосы, спокойные серые глаза. Ему шел двадцать третий год, и молодая кровь ещё не успокоилась, разбавленная мудростью и опытом прожитых лет.

– Подождем, Ирве. Прошло еще только два дня. Нужно время. Со временем всё образуется.

Ирве резко обернулся, сжав кулаки и прищурившись.

– Отец, как ты можешь?! Ведь Вайра тебе как дочь! Неужели ты будешь просто ждать? Вот так просто смотреть и ждать?

– Ирве, не горячись, – успокаивающе поднял ладонь Ори. – Ты знаешь, как я отношусь к ней. Она не дочь мне по крови, но я люблю Вайру. Её отец был моим лучшим другом, и даже если бы он не просил позаботиться о ней, всё равно я не оставил бы девочку одну. Вайра – лучшая дочь, какую можно пожелать. И я сделаю для неё все, что смогу. Надо только знать, что именно. А пока нам остается лишь ждать.

Шла вторая неделя после того, как Вера проснулась. Проснулась в чужом мире. Невероятно, но сознание её действительно каким-то непостижимым образом перенеслось в другую

точку мироздания, в другое пространство, время и в чужое тело, принадлежавшее другому человеку.

Поначалу большую часть времени Вера проводила в своей комнате, лежа на кровати, или сидела у окна, глядя во двор. Первые три дня она вставала по утрам и одевалась с помощью Айны, а по дому передвигалась, поддерживаемая Ирве. Потом дала понять, что в состоянии делать это сама. Силы возвращались, и на пятый день Ирве вывел её на крыльцо. На шестой день Вера вместе с ним обошла двор, после чего несказанно устала. Через неделю истопили баню, и Веру, уложив на деревянный полук, размякшую и распаренную, долго терли, мыли и ополаскивали травяными настоями Айна и еще одна женщина. После чего её, завернутую в чистое покрывало и вконец обессиленную, принес в дом Ори. Тело понемногу восстанавливалось после долгого периода неподвижности. Через десять дней после пробуждения Вера уже могла самостоятельно дойти до уборной на дворе, и успокоить свою совесть тем, что Айне больше не придется выносить за ней ведро.

Попытки говорить с людьми, среди которых она оказалась, не принесли результата – они не понимали её, как и она их. Её не оставляли одну надолго, возможно, опасаясь за здоровье, а может быть, и по другим причинам. Чаще и дольше других с ней оставалась девочка лет восьми – говорливая, любопытная и заботливая. Вера уже знала, что её зовут Савра. И еще тот самый молодой мужчина, который успел подхватить её на руки в первый день. Савра называла его Ирве. Он появлялся по утрам, когда Вера уже просыпалась. Серые глаза смотрели с участием, но за улыбкой пряталась сквозившая в них растерянность. Вера гадала, кто они друг другу, но пока так и не нашла ответа.

Она понемногу привыкала к своему новому облику, хотя всё ещё с некоторым трепетом смотрела в зеркало. Небольшое, в металлической оправе, оно нашлось в сундуке, среди рубаш и платьев. Там же отыскалась деревянная шкатулка с гребнями, заколками для волос, бусами, браслетами, пряжками и прочими женскими безделушками. Подолгу сидя по утрам у зеркала, и рассматривая своё отражение, Вера проникалась белой завистью к прежней хозяйке тела. Идеальный овал лица, прямой нос, зеленые глаза с длинными прямыми ресницами, густые яркие медно-рыжие волосы. Даже пересекавший лицо свежий шрам не смог нарушить гармонию облика. Внешность девушки разительно отличалась от всех прочих обитателей дома – светловолосых и крепко сложенных.

Вдоволь насмотревшись на себя, Вера заплела волосы, выпустила прядь рыжих волос, чтобы прикрыть багровый рубец на щеке, надела светло-зелёное платье, перетянутое в талии широким поясом, мягкие кожаные туфли, и вместе со щебетуньей Саврой вышла в общую залу.

Там, накрывая на стол, уже суетилась Айна и еще две женщины, такие же светловолосые и высокие. Увидев Веру, они улыбнулись ей. Савра выдернула ладошку из руки Веры, подбежала к одной из женщин и потерлась щекой о её локоть. Женщина засмеялась, и, легко хлопнув девочку пониже спины, отправила её на улицу. Стоя посреди зала и не зная, чем помочь хозяйкам, Вера чувствовала себя до крайности неловко.

– Вайра, иди, возьми это, – поняв смущение девушки, окликнула её Айна. Вера, услышав имя, которым её здесь называли, встрепенулась, подошла и приняла из рук женщины блюдо с хлебом. Айна ободряюще улыбнулась и указала на стол.

Зашедший со двора Ори увидел, как дочь помогает Айне, и одобрительно качнул головой.

– Смотри, не нагружай её больно-то. Слаба еще.

– Знаю, знаю. Ишь, заботливый какой, – Айна подошла к мужу, и негромко спросила, поглядывая на Веру. – Ирве снова на дальние луга отправишь?

– А что?

– Там и без него справятся, уж, почитай скосили всё. А Вайре-то что ж всё одной быть? Савра ведь мала еще. Пусть Ирве с Вайрой будет, глядишь, она и вспомнит что. А ему и в доме работы хватит.

Ори сел на скамью, потер щетинистый подбородок, в раздумье поглядел на Веру.

– Ну, пускай. Скажу ему. Только чтоб за ворота тана пока – ни ногой!

– Вот и хорошо, – согласилась Айна.

Вскоре за столом собрались вся семья, одиннадцать человек. Вера разглядывала их с интересом, размышляя, кто они друг другу. Одна из женщин была очень похожа на Айну, и Вера решила, что они сёстры. Напротив Веры молча сидела Нерса – молодая женщина с грустными глазами. Рядом с ней на краю скамьи вертелся непоседливый малыш лет четырех, шустро орудуя деревянной ложкой. Сидевший во главе стола Ори ел молча, временами поглядывая на домочадцев. По правую руку от него сидел Ирве, возле него мальчик-подросток, потом Вера. Айна сидела слева от мужа и следила за тем, чтобы никто не остался без куска хлеба или кружки молока. Обок Айны, уперев локти в стол и ни на кого ни глядя, уплетал завтрак крепкий бородатый мужик, а рядом с ним – плотный мальчишка лет двенадцати. Савра втихомолку подталкивала его под локоть, но мальчик отмахивался от неё, словно от надоедливой мушки, только недовольно помыкивая. Кончилось тем, что сидевшая рядом с девочкой мать выговорила ей.

– Савра, отстань от Форка! Дай брату спокойно поесть.

– Да он все равно, когда ест, ничего не слышит и не видит, кроме миски, – хихикнула девочка. – Обьедало!

– Форку день косою махать, – пробасил бородач, не отрывая взгляда от чашки, – а тебе только языком молоть. Что тяжелее?

– Я еще уток пасу, и гусей, – надулась Савра.

– Они сами пасутся, – фыркнул Форк. – Гусятница.

Савра несильно толкнула брата в плечо, и получила в ответ пинок по ноге под столом.

– Хватит, – пригрозил им отец. – Айса, налей-ка мне еще молока.

Мать Савры наполнила кружку, бородач выпил, вытер усы ладонью и поднялся.

– Благодарение Сулии за пропитание, – пробормотал он, потом повернулся к Ори. – Я на дворе жду.

Ори кивнул и встал. Вслед за мужчинами из-за стола повскакали и мальчишки, а Ирве, копируя манеру отца, чинно поднялся, спокойно допив молоко.

– Благодарение Сулии, – произнес Ори. Потом взглянул на мальчиков. – Форк, Гвир, помогите Эрмону. Да скажите, чтоб веревки новые взял. Айна, собери нам поесть.

– Готово уж всё, – ответила Айна, указывая на две корзины в руках у Нерсы, которые та несла к выходу. Потом спросила. – Как с Ирве-то?

– Помню, – дернул бровями Ори, и окликнул сына. – Ирве!

– Да, отец, – оглянулся тот от порога.

– Ты останешься дома.

Ирве удивился.

– Почему?

– Побудь с сестрой. Тан ей покажи, поговори, авось вспомнит что. У матери и тёток работы полон дом, а Савра мала еще. Да и здесь тебе дел хватит: амбар давно починить надо, скоро зерно ссыпать. Холодники опять же подновить, старый уж обваливался по весне. Навесы проверь, у правого, кажись, столб подгнивший.

– А как же..., – Ирве оглянулся на двор, где Эрмон и мальчишки уже сложили на телегу косы.

– Ничего, справимся пока. Пойдешь с нами стога метать. Сейчас ты тут нужнее. Вайра пусть тебе помогает по мере сил.

– Как скажешь, отец.

Вера вместе с Саврой вышла на крыльцо смотреть, как Ирве открывает ворота. Эрмон тряхнул вожжами, чмокнул, и бодрая круглобокая лошадка потянула телегу. Форк и Гвир

сидели сзади, болтая ногами. Савра скорчила рожицу брату, а тот погрозил ей кулаком. Телега выехала со двора, и Вера вернулась в дом. Айна и её сестра уже закончили убирать со стола, и пошли в хлев. Вера поискала глазами Савру, которая только что была рядом, но та уже улепетнула куда-то. В горнице остались только мальчонка и большой черный кот. Вера улыбнулась, глядя, как малыш, развалившись на полу возле кота, дергает того за задние лапы. Сытый кот терпеливо сносил эту экзекуцию, широко раскинувшись и прикрыв глаза. Малыш посмотрел на Веру, дернул кота за левую лапу и изрек:

– Мява!

Вера присела на скамью.

– Мява! – мальчик потянул кота за другую ногу.

– Мява? – Вера улыбнулась. – Значит, мява – это кошка?

Мальчик ухватил животину за хвост, и дернул. Кот заорал, извернулся, чиркнул агрессора когтями по руке и удрал.

– Ма...!!! – заревел мальчик.

Вера протянула руку, поглаживая мальчика по светлой головке. На крик в горницу заглянула Нерса.

– Эриг, чего кричишь?

– Мья-а-ва-а!!

– Ах он, зверища, Валкун его порази. Ну-ка, давай на двор. Кто у нас охотник? Кто у нас воин отважный? Эриг. Охотники не плачут.

Нерса увела сына, и Вера осталась совсем одна. Чувствуя себя абсолютно бесполезной и чужой здесь, она поднялась, и, вытирая проступающие слезы, пошла в свою комнату. Вдруг кто-то тронул её за локоть. Вера оглянулась и увидела Ирве.

– Снова плачешь, – грустно покачал он головой. – Я больше не позволю. Идем, тан посмотришь.

Он взял её за руку и вывел за собой. Дом Ори стоял на пригорке, и с крыльца можно было видеть большую часть поселка. Ирве широко повел рукой.

– Гленартан. Тан. Ну, вспомни. Наш тан. Пойдем, покажу всё.

Они вышли из ворот, и неторопливо пошли меж сельских дворов. Обходя поселение, Ирве надеялся пробудить в сестре воспоминания или заметить хоть намёк на узнавание. Но нельзя вспомнить и узнать то, что раньше было незнакомо. Вера с интересом осматривала селение, в которое забросила её судьба.

Усадьба, именуемая Гленартан, была невелика, в ней насчитывалось десятка три домов, похожих на тот, в котором проживала семья Веры. Во всем была видна рука хозяина, постройки были практичными и добротными, пространство вокруг них аккуратно расчищено. Всю усадьбу огораживал высокий частокол, а тяжелые ворота, настежь открытые днём, на ночь запирались массивными засовами. На внешней стороне створок было вырезано изображение мохнатого зверя. Вера отметила, что зверь удивительно похож на медведя, но с длинным пушистым хвостом. Она подошла поближе, рассматривая резьбу, провела ладонью по дереву. Увидев её интерес, Ирве пояснил:

– Мадвур.

– Мадвур? – повторила Вера

– Да, правильно, – подтвердил обрадованный Ирве, услышав из уст сестры родные слова. – Он наш танок. Он защищает тан от врагов – людей и злых духов.

– Мадвур, – наморщила лоб Вера. Что-то странное, неуловимо знакомое почудилось в словах Ирве.

Они поднялись на угловую сторожевую вышку, и Вера разглядела неширокую речушку, очерчивающую границы поселения с востока. С запада и юга к поселению прилегали обширные поля. На расстоянии ста шагов от частокола подступающий с севера лес был вырублен.

– Хорошо было бы по лесу проехаться, но тебе пока нельзя покидать тан, – с сожалением пожал плечами Ирве. – Ничего, как сил наберешься, обязательно пойдём на охоту. Самое страшное уже позади, Вайра, теперь ты с нами и скоро совсем поправишься.

Говоря это, Ирве взял Веру за руку и ободряюще улыбнулся. Она ответила неловкой полуулыбкой и, высвободив ладонь из его пальцев, спустилась с вышки.

До самого вечера, до отхода ко сну, она пыталась осознать это слово – мадвур. Уже в постели на ум пришло еще одно странное слово – Лангор. И, непонятно почему, стало как-то тревожно и беспокойно.

Вера проснулась задолго до рассвета от сильнейшей, до слез, головной боли. Сдавлив ладонями виски, она съежилась на постели и прикусила край одеяла, чтобы заглушить стон. Голова словно горела изнутри, распадаясь на куски. Хотелось окунуть её в ледяную воду и долго-долго остужать. Вера сползла с кровати и поплелась к выходу. На дворе стояла глубокая бадья с дождевой водой, и пределом всех мечтаний было сейчас погрузиться в остывшую за ночь воду. Вера медленно дотащилась до дверей и как можно тише сдвинула засов.

Но едва она переступила порог дома и вышла на крыльцо, как накатилась такая невыносимая боль, что ноги сами подкосились, и Вера, взвывая, осела на ступени. На шум первым выскочил Ори, за ним выбежали Ирве, Эрмон и женщины со светильниками.

– Вайра!

Ори бросился к корчившейся на крыльце Вере, ухватил её за плечи медвежьей хваткой. Эрмон навалился на ноги.

– Ирве, за жрецом, быстро!

Бледный Ирве бросился со двора и понесся к дому Баэлира.

– Света, света дайте! – кричал Ори, втаскивая бьющуюся в его руках Веру в дом.

– Бо-ольно-о!!! – кричала она. – Мама!

– Я здесь, Вайра, здесь! – подскочила Айна. – Что, где больно?

Веру уложили на кровать, Ори и Эрмон по-прежнему крепко держали её, не давая возможности пошевелиться. Айна склонилась над Верой, вытирая кровь с её лба, разбитого о доски крыльца.

– Где больно, доченька?

– Голова, – стискивая зубы, простонала Вера.

– Сейчас, сейчас Баэлир придет. Он поможет.

Айна осеклась, подняв глаза на Ори, только сейчас поняв, что произошло.

– Она... она говорит! – прошептал Эрмон.

От неожиданности он ослабил хватку, и тут же получил от Веры ногой по груди.

– Не трепыхайся, – беззлобно пробормотал Эрмон, снова стискивая руки на Вериних коленях.

Дверь настежь распахнулась, и в комнату вбежал Ирве. Ори оглянулся на вошедшего следом жреца.

– Баэлир!

В голосе танеда прозвучала мольба. Баэлир, бросив взгляд на Ори, быстро подошел к дергающейся на кровати Вере, встал над ложем.

– Прочь все.

Вера почувствовала, как поспешно разжались руки на плечах и коленях.

– Баэлир..., – выпрямившись, нерешительно произнес Ори.

– Все, – повторил жрец, не глядя на танеда.

Ори попятился к двери, с состраданием глядя на то, как приступы боли заставляют его дочь корчиться и стонать. Баэлир не двинулся с места, пока в комнате не осталось никого, кроме него и Веры. Как только дверь закрылась, он склонился над Верой, стиснул её голову, повернул к себе и заглянул ей в глаза.

– Разумеешь ли, что говорю я?

Вера в ответ лишь зажмурилась, так как взгляд выпуклых глаз жреца причинял еще большие страдания. Они, словно спицы, впивались в изнемогающий мозг. Баэлир разжал руки, выпрямился и подошел к столу. Налил из кувшина в кубок воды и вернулся к постели. Вера приоткрыла глаза и увидела, как стоящий над ней человек протянул руку к висевшей на его поясе лапе, как вытянул из неё, словно из ножен, длинное тонкое остриё, отливающее угольной чернотой. Вера завизжала, давая выход страху и боли, попыталась пнуть жреца, но промахнулась. Он же, вытянув руки с кубком и острием над Верой, громко и внятно заговорил.

– Волей Светлого Валкуна и силой Матери Нейны, да очистится сия дева, Вайрой именуемая, и оставят её темь и лихо, и не возымеет власти над ней Темный Лангор, и охранит от зла деву сию дух танока рода её – рода мадвур.

Баэлир окунул тонкий клинок в кубок и, приговаривая, круговыми движениями стал размешивать воду.

– Плод с древа —
матери Нейне в чрево,
Взросло черное жито,
Акилой открыто,
Триром добыто,
Унией мыто,
Сулией смолото,
огненным молотом
Иороса ковано,
Кану зачаровано,
Локо остужено —
станет оружием
На смерть врагу
Железо священное,
Светом благословенное.
В вечном веку
Светлому Валкуну
славу реку —
Жизни хранителю,
небес повелителю.
Именем Яснобога
открываю дорогу,
Угоняю хворобу
в темную чащобу.
Камни в песок,
река в ручеек,
В золото глина,
в небо кручина,
В землю вода —
с девы Вайры беда.

Странные действия и плавная речь жреца произвели удивительный эффект – по мере того, как Баэлир говорил, головная боль исчезала, Верой овладевали покой и умиротворение. Она обессилено вытянулась на кровати, не имея сил не то что пошевелиться, но просто держать глаза открытыми. Жрец закончил читать, убрал клинок и, склонившись над Верой, приподнял её за плечи.

– Выпей.

Вера разомкнула веки, и увидела, что Баэлир поднес к её губам кубок с водой. Она покорно выпила всё до капли, и жрец опустил её на подушки. Отставив кубок, жрец заглянул ей в глаза.

– Разумеешь ли, что говорю?

Вера медленно кивнула, удивляясь тому, что понимает этого человека. Смысл сказанных им слов, слов чужого языка, проступал в её сознании, как симпатические чернила на бумаге.

Баэлир выплел из своей косицы фигурку на тонком кожаном ремешке и туго повязал Вере на левое запястье.

– Оберег не снимай.

Она опустила взгляд на руку. Ремешок больно давил, а деревянная фигурка мадвур натирал косточку над кистью. Но это было сейчас не важно. Важно было то, что ей невыносимо хотелось спать. Баэлир понял.

– Спи. Сон целебен будет для тебя, и моё укрепит заклинание.

И Вера послушалась. Баэлир постоял еще несколько секунд, глядя на спящую девушку и задумчиво поглаживая подбородок. Потом развернулся и вышел из комнаты. К нему тотчас же подскочил Ирве, а Ори, сидевший на скамье, поднялся, настороженно глядя на жреца. Баэлир, поймав взгляд танеда, ответил на невысказанный вопрос.

– Спит дочь твоя, Ори. Долго проспит. Но милостью Валкуна здорова будет по пробуждении. Всё ж совет мой прими – пока спит, жечь ольху и рябину надо в светёлке её. И лики Верхних и Нижних богов поставьте там, дабы оберечь её от козней сил темных.

– Благодарность наша тебе, Баэлир! – Ори в пояс поклонился жрецу и кивнул стоявшей поодаль Айне. Она поспешно подошла и протянула жрецу сверток белоснежного холста.

– Благодарение Валкуну, – Баэлир принял благодарность вместе с платой, и, сопроводив даемый Ирве, покинул дом.

Глава 2

В комнате, несмотря на открытое окно, было жарко и пахло дымом. В очаге, который еще вчера был пуст и холоден, дотлевали ветки. Вера вымученно вздохнула и сбросила ногами одеяло.

– Жарища какая.

Голова не болела, а вот запястье давало о себе знать. Кисть левой руки побелела и затекла – ремешок больно врезался в кожу, став как будто еще туже, чем был.

– Ну что за пытка? – Вера с негодованием подергала оберег, захватила зубами узелок, и попыталась развязать. С третьей попытки, обмусолив весь ремешок и собственную руку, ей удалось ослабить узел. Теперь ремешок с фигуркой мадвуря свободно болтался на руке на манер подростковой фенечки. Вера с наслаждением потеряла запястье.

– Другое дело. Так и калекой остаться недолго.

Она потянулась, зевнула, скользя взглядом по комнате. С удивлением хмыкнула, отметив появление нового предмета в комнате – двухъярусной полочки с маленькими деревянными фигурками, прикрепленной в углу над сундуком. Вера слезла с постели, подошла и с интересом стала рассматривать фигурки. На верхней полке их было семь, а на нижней – только две. Вера взяла одного из истуканчиков, приглядываясь. В этот момент дверь открылась, и Вера от неожиданности выронила фигурку из рук. Айна заглянула в комнату, и, увидев Веру, заулыбалась.

– Проснулась? Как чувствуешь себя?

Вера несколько опешила, вновь поймав себя на том, что понимает речь, кивнула и нагнулась за статуэткой. Она вертела её в руках и лихорадочно ища подходящее слово чужого языка. Оно нашлось само.

– Х... хорошо, – запинаясь, выговорила Вера, и, не глядя, сунула фигурку на полку.

– Ай, славно! – обрадовалась Айна, и обняла Веру. – Хвала богам! Ну, вспомнила меня?

Вера подумала и отрицательно качнула головой. На лицо Айны легла тень, но она тут же согнала её.

– Это ничего, ничего. Всё образуется, дочка. Баэлир зря говорить не будет, его молитвы боги слышат, они помогут.

Бросив взгляд на полочку, Айна вдруг нахмурилась.

– Ах, скверно. Трир – верхний бог, Вайра, верхний.

Женщина взяла фигурку, небрежно брошенную Верой на полку, и переставила её на верхний ярус. Придирчиво осмотрела, поправила фигурки, обратилась к Вере.

– День спала. За полдень уж, проголодалась, наверное?

Вера кивнула в ответ на её слова, ощутив, как посасывает под ложечкой.

– Ну, так пойдем. Одевайся. Мужчины все в поле, Ирве тоже, ну да ничего. Дел и у женщин много, почитай весь дом на нас. Может, и вспомнишь что.

Пока Айна говорила, Вера оделась, и они вместе пошли на кухню. Там их встретила похожая на Айну женщина. Сидя на скамье, она ощипывала гуся. Еще одна, уже голая, птичья тушка лежала на столе. Поодаль на полу, пристально следя оранжевыми глазами за работой женщины, лежал черный кот.

– Айса тебя покормит, – усадила Веру за стол Айна. – Потом приходи в горницу, работу дам.

Вера молча кивнула, и хозяйка, погладив её по плечу, ушла. Айса отложила гуся, вытерла руки о передник, быстро выставила на стол перед Верой обед – миску с кашей, кружку простокваши, четверть хлебного каравая, и снова вернулась к своему занятию. Вера ела, глядя, как ловкие пальцы Айсы расправляются с перьями. Самые хорошие, крепкие перья из хвоста

и крыльев откладывались в сторонку. «Для письма?» – подумала Вера. Остальное ссыпалось в большую корзину. Закончив ощипывать птицу, Айса бросила её на стол, отодвинула корзину в угол и взяла руки нож. Кот перебрался поближе к ногам Айсы, поднял голову, принюхиваясь. Смотреть, как на стол вываливаются окровавленные внутренности, было крайне неаппетитно, и Вера поднялась.

– Спасибо. Я больше не хочу, – пробормотала она.

– А? – молчавшая до этого Айса несказанно удивилась. – Что?

– Больше не хочу, – повторила Вера, указывая на оставшуюся еду. – Куда убрать?

– Вайра! – Айса, бросив нож на стол, радостно обняла Веру. Та покосилась на перепачканные кисти рук родственницы. – Ай да радость! Ну, слава богам, теперь всё будет как прежде! А это ты оставь, я сама уберу. Ну, иди, иди, сестра ждет. Вот радость!

Под восклицания Айсы Вера покинула кухню. Подумав, где та горница, куда велела ей придти Айна, Вера пошла в самую большую комнату дома. Там уже сидели Айна и Нерса и пряли. Рядом с ними Савра, примостившись у большой корзины, чесала шерсть. Увидев Веру, Айна оставила работу, и указала на скамью возле себя.

– Садись.

Вера послушно села. Айна подала ей пустое веретено и взяла из корзины большой комоч чесаной шерсти.

– Вот, давай-ка.

Вере стало стыдно. Никогда в жизни она не держала в руках подобного инструмента. Она потупилась, и, вертя в руках веретено, тихо сказала:

– Я не умею.

Нерса и Савра оторвались от своих занятий, и изумленно взглянули на Веру. Айна, вздохнув, присела рядом с Верой, вытянула из кудели пух, и посучив пальцами, завязала нитку на Верином веретене. Нерса только вздохнула, покачала головой, и возобновила работу.

– Вот, смотри, – терпеливо показывала Айна, в то время как Савра, приоткрыв рот, глядела на Веру. – Вспомнила? Попробуй теперь.

Такой быстрый и веселый в руках женщин, волчок ни за что не хотел слушаться Веру. Он то падал на пол, то кололся, то с него спадали все намотанные нити. Нерса только поглядывала, да головой качала. Савра же, получив от матери негромкий укор, перестала в открытую пялиться на Веру, и занялась шерстью. Но Вера то и дело ловила на себе её недоуменный взгляд. Вконец измучившись, Вера отложила веретено, взглянула на Айну.

– Другой работы не найдется?

– А что ж не найдется-то, – ответила та, не отрываясь от дела. – Вон, в хлеву убрать надо.

– Я уберу, – с готовностью поднялась Вера. – Покажете?

Айна остановила веретено, и кивнула Савре:

– Иди с ней. Нам пока хватит той шерсти, что есть.

Савра только того и ждала. Кинув щетки в корзину, ухватила Веру за руку и потянула к двери.

Хлев, поделенный на стойла для коров и загон для овец, был пуст. Скотину с утра выгоняли на пастбище. В углу у входа стояли две широкие деревянные лопаты и ведра. Савра проскакала в противоположный конец хлева, сдвинула ставню на окошке.

– Вываливать туда.

Потом, шмыгнув мимо Веры наружу, ткнула пальцем под ближний навес.

– Солома там.

После этих слов Савра умчалась со двора, только её и видели. «Дети есть дети» – понимая, как этой бойкой маленькой девчужке хочется порезвиться с ребятней на улице, усмехнулась Вера. Подобрав подол и закатав рукава, она принялась за работу. Это было проще, чем пытаться пряхть под чужими взглядами. Время от времени останавливаясь отдохнуть, Вера

прислушивалась к себе. Закаленный организм спокойно реагировал на физическую нагрузку. Успокоенная тем, что энергии вполне хватает для такой работы, Вера даже принялась тихо напевать. Ей нравилось двигаться, ощущать, как понемногу наливаются силой мышцы, как напрягается тело, становясь более гибким и послушным. Неспешная работа заняла весь остаток дня. Вера вычистила коровник, застелила его чистой соломой и натрясла в кормушки сена. Удовлетворенно оглядывая хлев, она не заметила подошедшего Ирве.

– Ого, – удивился он, оценивая проделанную работу. – Не слишком ли много сейчас для тебя?

– Нет, мне по силам, – ответила она смущенно.

– Вайра! – радостно воскликнув, Ирве обнял её за плечи. – Ты поправилась! Пойдем скорее, отец как обрадуется!

Вера вытянула вперед грязные руки.

– Давай я полью, – Ирве поманил её к колодцу.

Подходя к крыльцу дома, Вера услышала мычание и бляение возвращающегося в тан стада.

– Вовремя управилась, – похвалил её Ирве. Вера лишь молча улыбнулась.

За ужином все были в приподнятом настроении из-за перемен, произошедших с Верой. Она же чувствовала себя, как на чужой свадьбе. Она ела, внимательно слушая разговор за столом и стараясь разобраться в родственных связях. Выяснила, что Ори ей отец, Айна – мать. С облегчением узнала, что Ирве брат ей, как и Гвир, и в который раз задумалась о своей непохожести на них.

Дни шли за днями. Лето перевалило за вторую половину. Мужчины были с раннего утра и до захода солнца заняты на сенокосе и в поле. На женщинах был дом, огород и скотина. Вера по мере сил старалась не быть обузой Айне и домочадцам. За прядение она больше не бралась, а Айна не настаивала. Ори успокоился, видя что здоровье дочери день ото дня становится лучше. Жизнь его семьи вошла в привычную колею, и танед надеялся, что этот спокойный, подчиненный устоявшемуся порядку быт поможет вернуть Вайре память. Вечерами, отдохнув от забот, парни и девушки Гленартана собирались на площади в центре тана. Ирве часто уходил туда, на что Айна шуточно наказывала ему каждый раз:

– Невестку мне работящую ищи!

– Магушка, – смущаясь, улыбался Ирве. – Рано мне еще.

– Иди, иди, – махала рукой Айна.

В один из вечеров она остановила Ирве, собравшегося на площадь.

– Вайру с собой почто на вечерки не берешь?

Ирве глянул на Веру, улыбнулся и поманил за собой.

– А что ж не взять-то. Хватит дома скамьи просиживать, зять нам тоже нужен. Идем!

– Куда? – спросила Вера.

– Иди, – принялась настаивать Айна. – Повеселишься, о своем, о девичьем с подругами посудачишь.

Летний вечер пах березовым дымом и травами, звучал щебетом птиц. Душная дневная жара ушла, сменившись свежестью. С середины тана доносились смех и песни. Выйдя на площадь, Ирве и Вера были встречены приветственными возгласами сверстников.

– Идите к нам! – крикнул один из парней.

Ирве направился к ватаге парней и девушек. Вера последовала за ним, с интересом разглядывая довгарскую молодежь. Ни одного рыжего среди них не было.

– Наконец-то медноволосая Вайра осияла нас своим появлением!

Навстречу Вере, воздев руки вверх, шагнул один из парней. В левой руке он держал дудку. Приложив её к губам, парень выдул веселый проигрыш, а затем пропел:

Без твоёго голоска
Напала на сердце тоска!
Ты скажи мне хоть словечко,
Успокой моё сердечко!

И снова заиграл на своей звонкой дудочке. Ирве рассмеялся, глядя на растерянное лицо сестры.

– Это Тинде, он всегда так. Любимец и любитель девушек. Но в зятя не годится.

– Чего это я не гожусь!? – прекратив играть, воскликнул музыкант.

– Ветреный ты и пустой, как твоя свиристелка, – усмехнулся Ирве.

Тинде махнул рукой, рассмеялся, и звонкая музыка снова разнеслась по площади. Он играл, притопывая и подмигивая Вере, и она улыбнулась ему в ответ. Кто-то из парней подхватил свою девушку, та – свою подружку, и завертелся хоровод. Вера отступила в сторону, с веселым интересом наблюдая за пляской. В кругу танцующих она подметила Ирве, влекущего за руку хорошенькую смеющуюся девушку. Тем временем Тинде, подобравшись к Вере, стал плечом подталкивать её к хороводу.

– Нет, нет, – замотала она головой, упираясь, – я не пойду.

Тинде, не переставая играть, вопросительно поднял брови. Вера снова отрицательно покачала головой.

Тинде опустил флейту, пляска закончилась, разгоряченные ею парни и девушки обступили музыканта.

– Сыграй еще, Тинде!

– Хватит скакать, – отмахивался тот. – Отдохните. Я сыграю, а Ворас поет.

– Да! – закричали сразу несколько голосов. – Ворас, спой! Играй, Тинде! Ворас!

Молодежь расступилась, а возле музыканта, уступая просьбам друзей, остался юноша, которого называли Ворасом. Он был чуть ниже Ирве, с волнистыми волосами, перетянутыми на лбу плетеным ремешком, со светлой аккуратной бородкой. Пошептавшись с ним, Тинде коснулся губами флейты. И полилась негромкая музыка, в противовес недавней залихватской плясовой. А Ворас, заложив руки за пояс, запел сильным и глубоким голосом.

У моей любимой огненные косы.
У моей любимой яркие глаза.
Губы у любимой ярче алой розы.
Но мою любимую мне любить нельзя.

Девушки слушали певца, время от времени перемигивались с подружками, и поглядывали на Веру.

Замок в поднебесье башни стен возносит,
Горы над ущельем пики громоздят.
А любовь простора и приволья просит.
Но мою любимую мне любить нельзя.
Неусыпны стражи, люты псы цепные —
Стрелы ли, клыки ли в сердце мне вонзят.
В неприступных скалах дуют вихри злые,
И мою любимую мне любить нельзя.

Стану горным ветром, стану малой птахой,
Облаком тумана в горы поднимусь.
Пусть судьба лихая мне готовит плаху,
Я с моей любимой крепко обнимусь.

Слушая Вораса, Вера не сразу обратила внимание на то, что взгляды всех слушателей направлены на неё. Допевая последние строки, певец подошел к Вере и взял её за руки. Она смутилась от направленных на них взглядов.

– Ты хорошо поешь, – сказала она.

– Спасибо, – серьезно ответил Ворас, глядя её в лицо. Взгляд парня на несколько секунд задержался на шраме. – А ты хорошо танцуешь. Но отчего-то стоишь в стороне. Тинде, сыграй нам!

Он потянул Веру в круг.

– Нет, нет. Я не хочу, – заартачилась Вера, высвобождая ладони из рук певца.

На помощь ей пришел Ирве. Он подошел и положил руку на плечо Вораса.

– Не обижайся, Ворас. Вайра еще не совсем поправилась после болезни. Она обязательно с тобой станцует, как только окрепнет.

Вера благодарно взглянула на Ирве и кивнула.

– Ворас! Станцуй лучше со мной!

К хороводу приблизились несколько девушек. Та, что шла впереди всех, остановилась перед Ворасом. Одетая она была не в платье, как остальные девушки, а в штаны, высокие сапоги и тунику, перетянутую в талии ремешком.

– Оставь её. Видишь, она не хочет идти с тобой на круг. А я – хочу.

Ворас улыбнулся подошедшей девушке.

– Здравствуй, Шана. Я тобой непременно станцую, если ты переоденешься.

По лицу девушки пробежала тень. У кое-кого из стоявших рядом с ней девушек, одетых, как и прочие, в платье, мелькнули улыбки на губах.

– И не подумай, – фыркнула Шана. – Мне так удобнее, я все же воин.

– А я хочу танцевать не с воином, а с красивой девушкой, – парировал Ворас.

– Тогда ты точно не ту выбрал, – усмехнулась Шана.

– И еще, – пропустив мимо ушей её смешок, добавил парень, – Вайра владеет оружием не хуже тебя. Но не кичится этим.

– Я слышала, что она теперь даже веретено в руках держать не можешь, не то что оружие, – рассмеялась девушка. – Хорошо же ей досталось по голове от того варнинга!

– Утомонись, Шана, – нахмурился Ирве, беря Веру за руку.

– Заступаешься за сестренку? А у неё самой что, язык отнялся? Или его отрубили вместе с рассудком, когда личико подправили?

Ирве вздохнул, сдерживаясь.

– Шана, замолчи! Чего тебе нейметя? Тебе лицо Вайры покоя не дает?

– Была Вайра, да вся вышла, – пренебрежительно бросила Шана. – И личико теперь у неё, не то, что моё. Такое украшение вовек не снимешь. Поглядим, как на него Ворас дальше смотреть будет.

– Ах, вот что. Весь этот сыр-бор из-за Вораса? Бабыя ревность.

– Да к такой теперь и ревновать-то зазорно. Мало того, что уродина, так еще и полоумная.

Девушки за её спиной перешептывались и посмеивались. Вера облизнула губы, сделав шаг вперед, к Шане.

– Послушай, Шана. Я, возможно, тебя когда-то обидела. Если что-то было, прости и не держи зла. Не надо меня ни к кому ревновать, хорошо? Как бы это объяснить... В общем, не до этого мне сейчас. Ну, мир?

На лице Шаны было написано такое недоумение и презрение, что Вера смешалась и замолчала. Шана отступила к ограде, и, выдернув из ряда кольев два шеста, бросила один к ногам Веры.

– Бери! – Шана крутанула в руке шест. – Покажи, что умеешь.

– Я не буду.

– Будешь. Подними!

Шест свистнул в воздухе. Удар пришелся по правому бедру, и Вера, вскрикнув, упала на колени. Ладони уперлись в шершавое дерево.

– Бери шест, полоумная!

– Нет! Не честно бить безоружного!

Вера отбросила палку.

– Честно – у тебя есть оружие. Но противно.

Шана отшвырнула свой шест, и, развернувшись, быстро ушла. С ней, озадаченно оглядываясь на поднимающуюся с земли Веру, ушли её подруги.

– Вайра, – Ирве помог ей подняться.

– Больно, – пожаловалась она, морщась.

– Идем домой, – Ирве взял Веру под руку, и она, отряхиваясь, похромала рядом с ним. Ворас, насупившись и опустив плечи, смотрел им вслед.

Из-за ограды, никем не замеченный, задумчиво покусывая длинный ус, глядел на эту сцену Баэлир.

Больше Вера на вечерки не ходила, как ни старался Ирве с уговорами. Вечерами, когда детвора улепетывала из дома на улицу, женщины собирались в горнице за работой и разговорами. Но Вера предпочитала находиться не с ними, а во дворе, где Ори тренировался на пару с Эрмоном. Частенько к ним присоединялся и Ирве. Вместо мечей и ножей мужчины использовали крепкие палки. Вера садилась на крыльцо, и наблюдала за ними, не уставая поражаться их силе, ловкости и умению владеть своим телом.

В один из вечеров Ори присел рядом с ней, вытирая пот.

– Водички бы.

Вера быстро принесла воды. Ори напился и подмигнул ей.

– Ну как мы?

– Впечатляет, – покачала Вера головой. – Я бы так не смогла.

Эрмон хмыкнул, а Ори удивленно поднял брови.

– Не смогла бы? Вообще-то раньше у тебя отлично получалось.

Настал черед Веры смотреть на мужчин с удивлением.

– Ты и это не помнишь? – Ори на её отрицание лишь вздохнул. – Ничего, со временем всё образуется.

Эрмон присел рядом на крыльцо, зачерпнул ковшом воды из ведра.

– Расскажите обо мне, – тихо попросила Вера.

Ори взгляделся в её лицо. Отвернулся и долго молчал. Потом тихо и медленно заговорил.

– Твоего отца звали Строн. Он был моим лучшим другом. Больше чем другом. Он был мне как брат

Отец Вайры, которого звали Строн, был другом детства Ори. Они были как братья, и дали друг другу клятву на верность. Отважны и отчаянны были молодые доггары. Частые набег варнингов и ответные походы на противника принесли им славу смелых и удачливых воинов. В одном из таких походов Строн и нашел свою судьбу – огненноволосую Ирнентхине. Двадцать один год назад отряд, которым командовал Строн, захватил обоз варнингов с награбленным

добром и пленниками. Невольников гнали пешком, измученные и обессиленные, они сдались на милость победителей. В основном это были люди народа довгаров, к которому принадлежали Ори и Строн. Но трое пленников резко отличались от остальных – невысокого роста, худощавые, с медно-рыжими волосами и изумрудными глазами. Один из пленников говорил на всеобщем, назвались они нимхами. Никто из довгаров раньше не встречался с ними. Один из сопровождавших обоз солдат варнингов рассказал, что на стоянку нимхов они наткнулись четыре недели назад в северных предгорьях. В недолгой схватке уцелели трое из семи захваченных врасплох людей – двое мужчин и женщина.

Строн был поражен красотой рыжеволосой нимхийки Ирнентхине, и пригласил её и спутников в Гленартан. Три месяца провели гости в тане, приходя в себя после тягостных событий. А когда настала им пора отбыть на свою родину, выяснилось, что Строн и Ирнентхине полюбили друг друга. Несмотря на увещевания родичей с обеих сторон, они поженились. Ирнентхине осталась жить в Гленартане, а её соотечественники – нимхи ушли домой. Через год у молодых родилась дочь, которую мать назвала Вэйх-рэ. В довгарском языке имя звучало как Вайра. Лицом девочка походила на мать, а телосложением и характером – на отца.

Недолгим было безмятежное счастье Строна. Ирнентхине не смогла полностью оправиться после появления на свет Вайры, а тоска по родным местам иссушала ей сердце и отнимала жизненную силу. Глядя на тускнеющий день ото дня огонь зеленых глаз, Строн решился, и отправился вместе с женой, двухлетней дочерью и несколькими верными друзьями в страну нимхов. К тому времени Ори уже был женат, его сыну Ирве было четыре года, но он не мог бросить друга, и отправился вместе с ним. Дорогу им указывала Ирнентхине. До страны рыжеволосых добирались почти месяц. В северных горах их встретили дозоры нимхов. Узнав цель путешествия, разрешили пройти только Строну с семьей и Ори. Остальные остались ждать их возвращения, разбив лагерь в предгорьях.

Город нимхов, стоявший высоко в горах, поразил Строна и Ори. Прямо в скалах были вырублены залы и террасы, и было совершенно непонятно, как грубый камень может принять форму невесомых кружев. Просторные комнаты были украшены причудливой резьбой, в стенных нишах стояли искусно выточенные из камня изваяния больших кошек, с длинными лапами и ушами с кисточками. Но все это великолепие носило следы беспощадного времени. Видны были трещины на изваяниях и колоннах, обвалившиеся бортики бассейнов, нарушенный вывалившимися обломками рисунок каменных кружев.

Глаза Ирнентхине заблестали прежними искрами, румянец вернулся на её щеки. Обводя сияющим взором знакомые с детства каменные своды дворцов, она коснулась плеча Строна: «Смотри, смотри же! Мой народ строил этот город много веков назад. Здесь бывали эльфы. А это, – она указала на статуи странных животных, – хаартлайхи – хранители нашего народа. Много тысяч лун назад нимхи пришли в эти горы, сопровождаемые ими, и поселились здесь. Хаартлайхи остались у нас только в легендах. Они покинули нас, так же, как и эльфы».

Нимхи отнеслись к пришельцам настороженно и недружелюбно. Семья жены, на удивление Строна и Ори, встретила их неприязненно. Дед Ирнентхине был сед, худощав и невысок – на голову ниже Строна. Но зеленые глаза под сурово сдвинутыми бровями властно сияли. Он сухо приветствовал внучку, для довгаров ограничился легким наклоном головы, на правнучку же не обратил внимания вовсе. Строн, за три года с помощью жены немного освоивший язык нимхов, переводил разговор Ори.

– Тебе не нужно было возвращаться, Ирнентхине. К тому же приводить с собой чужаков. Кто знает, какие намерения они таят в своих сердцах, – тихий голос заставил хрупкую фигурку сжаться.

– Нет, умоляю, они пришли с миром. Один из них мой муж. По нашим законам мужчина другого рода, взявший жену из нашего клана, становится полноправным его членом. И дети, родившиеся от такого союза, считаются нимхами.

– Не тебе учить меня законам! У всего есть обратная сторона. Это правило относится к тем, кто равен нам по рождению. Уже будучи предназначена в жены другому, ты сочеталась браком с чужаком, в чужой стране, к тому же без моего ведома и дозволения. Ты опозорила весь наш клан. Такой проступок карается смертью. Совет старейшин определит меру твоей вины, и решит, что делать с ребенком.

По знаку старика стража увела Ирнентхине и Вайру. Строна и Ори, забрав у них оружие, поодиночке поместили в небольших покоях, охраняемых солдатами нимхов. Обращались с пленниками хорошо, не отказывая почти ни в чем, кроме общения. В течение трех дней они не находили себе места, пытаясь хоть что-то узнать о судьбе своих спутников, но стражи хранили молчание. Наконец, на исходе третьего дня, всех четверых привели в большой круглый зал, чтобы объявить волю старейшин. На стенах и полу помещения разноцветной мозаикой были выложены изображения хаартлайхов. Вдоль стен зала располагались девять кресел, в которых сидели правители нимхов – седые старцы в багровых одеждах. Пленников поставили в центре, не позволив им подойти друг к другу. При виде изможденного лица Ирнентхине с запавшими от бессонницы глазами, у Ори сжалось сердце. Строн попытался хоть на шаг приблизиться к ней, но острие меча уперлось ему в спину. Маленькая Вайра спокойно спала на руках одного из стражей.

– Совет вынес решение, – сидящий в центре старик поднялся, – дева Ирнентхине нарушила закон, вина её несомненна, и подлежит искуплению огнем. Ребенок разделит судьбу своей матери. Белоголовые воины не принесли нам вреда, пусть уходят с миром.

Ори посмотрел на застывшего Строна и тихо произнес:

– Придется забирать твою семью и пробиваться к выходу силой. Жаль, что нас только двое.

Строн оглянулся на друга, и отрицательно качнул головой. Потом поглядел на спящую дочь, на застывшую в отчаянии жену, и обратился к старейшинам:

– Я хочу выкупить свою дочь.

– И чем ты можешь заплатить за неё?

– Своей жизнью. Я поклялся быть с Ирнентхине до самого конца, и не нарушу своего обещания.

Старейшины посоветовались, и сидящий в середине произнес:

– Да будет так. Смерть за жизнь – равноценная плата. Пусть твой друг и ребенок уходят, а вы примите достойно свою судьбу.

Стражники расступились, Строн бросился к Ирнентхине и подхватил её на руки. Потом, повернувшись к Ори, быстро и горячо заговорил:

– Прости. Если будем сопротивляться, то погибнем все. И наши люди в лагере тоже пострадают. А я все равно не смогу жить, зная, что стал причиной гибели любимой женщины. Обещай, что позаботишься о нашей девочке. И прошу тебя, не мстите! Уходите отсюда без крови. Клянись же!

Срывающимся голосом, глотая слезы, Ори поклялся воспитать Вайру как родную дочь, и не причинять вреда нимхам. После короткого прощания Строн, прижимая к груди драгоценную ношу, покинул зал в сопровождении стражников. Больше никто его не видел.

Ори, сопровождаемый воинами нимхов, вместе с девочкой вернулся в доггарский лагерь. Ему стоило немалого труда убедить соплеменников, ждавших их возвращения, обойтись без кровопролития. Через месяц Ори вернулся в Гленартан, а с ним вернулась и малышка Вайра.

– Я никогда не скрывал, что ты не родная дочь нам. И историю о твоих родителях знает весь тан, – Ори устало вздохнул.

– А семья моего отца? – спросила Вера. – Что они?

– Твой дед погиб лет десять назад. Был жив – приходил иногда, справлялся о тебе. А бабка тебя и сначала не признавала, а по возвращении, как узнала о смерти твоего отца, так совсем возненавидела. Сильно ты свою мать ей напоминала. Семь лет назад и её не стало. Два брата его давно погибли, еще до твоего рождения. Тетка есть, но она в другом тане с мужем. А больше никого.

Вера молчала, впечатлённая этой историей и шутками провидения, делавшего её уже во второй раз чужой этим людям. И, потрясенная их безграничной любовью и добротой, она положила ладонь на скрещенные руки Ори.

– У меня есть вы.

Ори обнял её, погладил по волосам. Потом поднялся.

– Эрмон, хватит рассиживаться, продолжаем! А тобой, – повернулся он к Вере, – я завтра займусь.

Следующим вечером Ори позвал Веру сам. Во дворе уже были Эрмон и Ирве. Понаблюдав за их разминкой с одобрителем похмыкиванием, Ори протянул Вере длинную палку.

– Ты тоже так можешь. Надо только вспомнить.

У неё округлились глаза.

– Нечего так на меня смотреть. Что ум забыл, так тело вспомнит. Становись тут, – танед указал перед собой, – подними её и держи вот так. Чуть выше, это защита. Теперь смотри на меня. Замах, удар. Ты парируешь вот так. Понятно?

Он медленно замахнулся. Вера, чувствуя себя нелепо, подставила свою палку под показательный удар.

– Хорошо. Теперь чуть быстрее. Защита!

Вера вскинула руку, слабо и криво отбила, и смущенно усмехнулась.

– Это не смешно, – нахмурился Ори. – Держи оружие как следует. Обхвати рукоять плотно, запястье крепи, но держи подвижным.

Новый замах, чуть сильнее прежнего. Вера покачнулась, Ори это увидел.

– Теперь стойка. Корпус разверни, ноги... вот, смотри сюда. Колени присогни и пружинь. И шаг. Еще!

Ори наградил Веру новым ударом.

– Второй рукой не размахивай, не подставляй её! Стой, посмотри на них. Ирве, Эрмон! Защиту покажите.

Мужчины, занятые собственной тренировкой, остановились. Ирве поднял палку в защите, Эрмон нанес небыстрый удар.

– Видишь? Видишь, где у него свободная рука? Давай еще. Стойка, хорошо, теперь защита. Так, быстрее. Еще раз! Идет. Меняемся. Нападай. А сильнее?

– Не могу.

– Ну, хотя бы так. Снова. Еще!

Ори внимательно следил за Верой. Видя, что она устала, забрал палку из её рук и отпустил.

– На сегодня все. Ты умница.

Вера присела на крыльцо, потирая запястья и отдуваясь. А Ори, кликнув Ирве и Эрмона, продолжил тренировку. Чуть позже Ирве, напившись, присел отдохнуть рядом с сестрой.

– Ты умница, – повторил он слова Ори, улыбаясь.

– Спасибо, – пожал плечами Вера. – Только не пойму, зачем он это делает?

– Что?

– Зачем он взялся меня учить? Я же не мужчина, чтобы воевать.

– А какое значение имеет – мужчина или женщина? – удивился Ирве. – У нас в тане все воины, только по – разному. Женщины, конечно, в основном на стенах, с луками. А вот Шана – она в поле дерется, вместе со своей сестрой Линой. Да и некоторые другие женщины тоже.

– А я где? – ошарашено спросила Вера.

– Ты? Ты везде, – рассмеялся Ирве, – на стене тебя редко удержишь. Всегда предпочтешь биться наравне с мужчинами в поле. Вот это ты в бою получила, – он коснулся щеки Веры и посерьезнел. – Думали, ты в обитель к Нейне отправилась. Вынес тебя, ты еле дышала....

– Расскажи.

– Что рассказывать, – Ирве отставил палку, сел поудобнее, сложив руки на коленях, – весной дело было...

Зима в этом году выдалась снежной и холодной, а лето перед этим было жарким и засушливым. Основным источником благосостояния варнингов был их скот, в основном лошади. Низкорослые лошадки, неприхотливые и выносливые, могли вполне обходиться теми скудными запасами подножного корма, который сами находили под снегом. Но этой зимой глубоко под снегом оказались погребены и те скудные запасы пищи, которые могли бы поддерживать животных до весны. А поскольку не в обычае варнингов было делать запасы на зиму, то вскоре основная часть их скота пала, если не от голода, то от морозов и зубов хищников, которых голод выгнал из их логовищ. Начался мор среди людей, и к началу весны в живых осталась едва ли половина тех, кто встретил эту суровую зиму. Варнинги от природы народ воинственный, агрессивный, и соседство с ними всегда немало хлопот доставляло западным соседям – довгарам. Степняки часто тревожили их своими набегами, но атаки были скорее стихийными, направленными наудачу. Этой весной всё сложилось совершенно по-другому. Едва снег начал сходить с равнин, озлобленные, измученные голодом, варнинги собрали все оставшиеся силы, и двинулись к границам. Им было небезразлично, где умирать – в собственных шатрах из лошадиных шкур от голода, или на крепостных стенах городков, за которыми их ждали дома и амбары, полные добычи. Небольшие приграничные таны варнинги просто смели с лица земли, не оставляя в живых никого, даже не беря пленников для дальнейшей продажи или обмена, что было совсем уж не в их правилах. А потом двинулись вглубь, на запад. Старейшины довгаров, видя, что это уже не просто очередная стычка на границах, разослали гонцов во все поселения. Прибыл посланник и в Гленартан. Не мешкая, Ори собрал всех своих воинов и воительниц, и через три дня во главе отряда из шестидесяти человек прибыл к назначенному месту. Всего набралось около пяти тысяч воинов, почти втрое меньше, чем у противника. Но эти люди защищали свою землю, своих детей, и не собирались так просто отступить.

Варнинги шли напролом, уповая на численное превосходство. Настал день, когда их войско подошло к неширокой, но глубокой и быстрой речке Дерне. За ней начинались самые плодородные и богатые земли. На противоположном берегу их уже ждало войско светловолосых. Довгары не стали подходить близко к реке, и стрелы врага не могли их достать. Разгоряченная близостью противника и предвкушением богатой добычи, конница степняков кинулась в реку. Как только первые ряды захватчиков добрались до противоположной стороны, довгары бросились в атаку. Варнинги дрались как сумасшедшие. Невысокие, коренастые, они были достаточно сильны даже после перенесенной голодовки. Лихие наездники и меткие лучники были не слишком искусны в ближнем бою, и довгары этим воспользовались. Легкие сабли не могли равняться с обоюдоострыми, длинными мечами противника. В тот день неширокая Дерна стала красной, а её берега – скользкими от крови.

Как и пять сотен её соплеменниц, Вайра участвовала в той битве. Ирве бился рядом, ни на минуту не упуская из виду рыжий локон. Наконец поредевшие ряды варнингов дрогнули, и довгары погнали их назад, за реку, и дальше по направлению к границам. Вайрой овладел азарт погони, и она, подхлестнув своего коня, помчалась за отступающим противником.

Увлеченная погоней, она вырвалась вперед. В этот момент один из удирающих обернулся, и на полном скаку выстрелил в опрометчиво отделившуюся от общего строя фигуру. Стрела попала в коня. Вайра в последний момент успела натянуть поводья, и немного сбавить скорость. От удара о землю шлем слетел с головы, рыжие локоны разметались по земле, а меч выпал из рук. Падая, конь придавил ей левую ногу. Наездница не успела её освободить, как к ней подскочил варнингский воин, и взмахнул саблей. Вайра успела вытащить кинжал и парировать, но короткое лезвие лишь немного смягчило удар кривого клинка. Удар, долженствующий перерубить ей шейные позвонки, рассек лицо с правой стороны до самой шеи. Подоспевший в этот момент Ирве расправился с нападавшим, затем освободил бесчувственную Вайру от навалившейся туши мертвой лошади, и отвез её в военный лагерь, в шатры целителей.

Никто, кроме разве что Ирве, не верил, что девушка выживет. Большая потеря крови усугубилась начинающимся заражением. Почти шесть дней она находилась на грани, и жизнь её висела на волоске. Целители использовали весь арсенал имеющихся лекарственных средств и заговоров, и виновато качали головами, глядя в вопрошающие глаза Ори и Ирве. А на седьмой день случилось чудо, жар как-то сразу спал, и рана понемногу перестала гноиться. Метавшаяся в больном бреду Вайра заснула спокойным сном. Лекари лишь разводили руками, а отец и сын были вне себя от радости. Но их радость сменилась беспокойством, а потом и откровенным недоумением и страхом, когда Вайра не проснулась ни на второй, ни на третий день после чудесного улучшения. Не проснулась она и через две недели. Сон её был спокоен, дыхание ровным. Рана затягивалась, и больше не вызывала опасений. В таком состоянии и привезли её в Гленартан. Больше трех месяцев, с марта по июнь, ждала семья пробуждения Вайры. А когда, наконец, это случилось, всеобщая радость омрачилась тем, что девушка потеряла память.

– Так что отец тебя не учит. Он хочет, чтобы ты вспомнила то, что знала раньше, – закончил Ирве.

Вера провела рукой по лицу, ощущая пальцами неровность шрама.

– А если у меня не получится вспомнить?

– Тогда научит заново.

И Вера стала учиться. Ежевечерние тренировки, сначала недолгие и немудреные, постепенно удлинялись, наполняясь более сложными элементами. Ори понемногу увеличивал нагрузку, сообразуясь с физическим состоянием Веры. Ей и самой было интересней проводить время так, а не с вязанием или шитьем. Нравилось узнавать свое тело, чувствовать его, изучать возможности, на которое оно способно. Наставления Ори, ясные и простые, принимались ею как истина. Он учил её не тому, как фехтовать, а как защитить себя. И уничтожить врага. Приемы, которые он ей показывал, были просты и точны, даже грубы. Никаких лишних движений. Никакой показухи. Только точные смертельные удары. И то, как от них увернуться.

– Не надо в ответ лупить по моему мечу. Я был открыт, оставалось нанести удар. Тебе нужно или убить, или обезоружить врага, а не соревноваться с ним в силе. Я нападаю. Отклони меч. Нет! Не прямой гранью! Лезвие выщербишь, и от него не будет толку в бою. Или хуже – меч сломается, и тебе конец.

– Блокируй плоскостью. Вот так, запоминай. На худой конец, прими удар на наклонное лезвие. Переведи блок в атаку, нападай сама! Еще раз! В глаза смотри мне! Глаза скажут, куда рука нанесет удар. Но оружие тоже из виду не выпускай. Еще раз.

– На щит прими! Зажимай мой меч, гни, гни вниз мою руку, доворачивай! Лезвие веди вверх, до шеи – она открыта! Хо-ро-шоо...

– В бою важно, как быстро ты поразишь врага. Если он один, добивай сразу. Если их много – нанеси как можно больший ущерб, больше ран, не старайся справиться с одним, внеси сумятицу в их ряды.

Увлеченная обучением, Вера стала замечать странную вещь. Думая о том, как правильно выполнить то или иное движение, она чаще ошибалась. Стоило ей перестать сосредотачиваться на этом, и отпустить себя, как тело само безукоризненно исполняло нужный элемент. Это одновременно и пугало, и вдохновляло. Но, доверившись в равной степени себе самой и своей новой оболочке, она обрела уверенность.

Иной раз приходила Айна, смотреть, как Ори муштрует дочь. Молча вздыхала и уходила. В самом начале она пыталась говорить с мужем о занятии Веры.

– Ей бы замуж, Ори. Детей рожать, а не с железками вертеться. Навоевалась уж, слава Валкуну, что жива.

– Ничего, пусть повертится, – возражал Ори, – крепче будет. Детей защищать опять же надо.

– А муж на что?

– Муж на то и муж. Сегодня жив, завтра на брани пал. Жизнь такая. Вон, на Нерсу глянь. Был муж – и нет его. Как думаешь, Нерса к своему Эригу врага просто так подпустит? То-то. Да и себя девкой вспомни-ка, мать, – и Ори усмехнулся.

Айна только махнула рукой, и больше мужу на эту тему не перечила. Аргумент Ори был правильный – в юности Айна сама была сорви-голова, за что и приглянулась Ори. Да и сейчас, если пришлось бы взять в руки оружие, Айна могла бы постоять не только за себя.

Вера напилась, присела передохнуть на крыльцо. Ирве, утирая пот подолом рубахи, подсел к ней.

– Устала? Да и то верно. Сколько ж можно. Скажу отцу, пусть завтра тебя отпустит со мной.

– Куда?

– Прокатимся верхом, развеешься.

– Ты так думаешь?

– Конечно. Тебе всегда нравилось носиться верхом на своем Громе. Жалко его, отличный конь был.

Вера вымученно уронила голову на руки. Предстояло учиться ездить верхом. Ирве понял её вздох по-своему.

– Ну, не огорчайся так. Могу на время Ветра одолжить, он тоже резвый.

– Спасибо, братишка. А есть кто-то медленный и спокойный?

– Медленный? – Ирве недоверчиво посмотрел на неё. – Ты шутишь, нельзя разучиться ездить верхом!

Вера странно промолчала, и Ирве неуверенно предложил:

– Если только Тучка...

– Отлично, – расхохоталась Вера, – кто еще из стихийных бедствий стоит в нашей конюшне?

– Ты сама давала им имена, – улыбнулся Ирве. – Когда в прошлом году Тучка ожебилась, ты хотела назвать жеребенка Снежок. Да отец отговорил. Сказал, что снег рыжим не бывает.

– И как назвали?

– Рыжик.

– Как кота, – усмехнулась Вера.

– Так что, завтра Тучку возьмешь?

Вера обреченно кивнула. В юности она, воодушевленная фильмами и книгами, посещала пару раз уроки верховой езды. Воодушевление прошло вместе с синяками на седалище. Но теорию она помнила.

Тучка оказалась огромной, мохноногой кобылой с мощным торсом, широкой спиной и добродушной мордой.

– Бог ты мой... – у Веры перехватило дыхание, когда Ирве вывел из конюшни взнузданную и оседланную гнедую лошадь. Костистые ноги кобылы были покрыты густыми щетками, спадающими до широких копыт. Увидев Веру, лошадь потянула к ней морду, поводя длинными ушами.

– Узнала, – Ирве похлопал кобылу по высокой шее. – Держи повод, я Ветра выведу.

Вера с опаской приняла из рук Ирве повод. Кобыла несильно толкнула Веру мордой в плечо. Та отошла на шаг. Тучка потянулась и, шумно выдувая воздух, снова коснулась Вериного плеча.

– Она меня толкает.

– Морковку дай ей, – ответил Ирве, выводя своего коня.

– А у меня нет, – огорчилась Вера.

– Возьми, – Ирве протянул Вере небольшую морковку, – Тучка помнит, что у тебя всегда есть чем полакомиться.

Вера, держа морковь за кончик, с недоверием протянула угощение лошади.

– Не укусит?

– Тучка?! – изумился Ирве. – Она самая спокойная лошадь, которую я знаю.

Кобыла, хрустя морковью, укоризненно скосила глаза на Веру.

– Подсадить или сама сядешь в седло? – похлопывая Ветра по шее, Ирве оглянулся на сестру.

– Сама попробую. Подержи её.

Вера ухватила за густую гриву и решительно вдела левую ногу в стремя. Носок сапога Веры несильно ткнулся в лошадиный бок. Кобыла шагнула вперед, и Вера с протяжным «э-э-эй!» запрыгала на правой ноге обок её. «Не балуй!» – Ирве придержал лошадь и поддержал Веру.

– В бок ей ногой не тычь.

Вера кивнула, перевела дыхание, и поднялась в седло. Ирве передал ей повод и легко вскочил на спину Ветра.

– Ну? Поехали?

Облизнув губы, Вера несильно сжала бока лошади ногами. Та двинулась вперед. Ирве поощрительно улыбнулся.

– Отлично! К воротам её направляй. Хотя она и сама дорогу знает. Можешь просто сидеть, я впереди поеду. От Ветра она не отстанет.

– Не торопи, – прошептала Вера, с опаской поглядывая вниз, и прикидывая, как высоко придется падать.

Тучка спокойно шла за конем Ирве, бережно неся на спине Веру, чувствуя её неуверенность и неопытность. Постепенно Вера приоровилась к движению кобылы и почувствовала себя увереннее. Стараясь перенять манеру Ирве держаться в седле, она выпрямилась, развернула носки внутрь, прижала локти. Пройдя в ворота тана, Ирве повернул коня в поле.

Верховая езда оказалась не так уж сложна. Через несколько дней и пару падений Вера смогла вполне сносно держаться в седле и управлять лошастью. Обученное с детства тело, вопреки её опасениям, совершенно спокойно реагировало на привычное занятие. Вскоре Вера уже скакала наперегонки с Ирве, чему он был несказанно рад, и иной раз даже позволял неторопливой Тучке обходить его Ветра. Когда в очередной раз Вера, надавав кобыле шенкелей, обогнала Ирве, тот сказал:

– Хватит мучить животину. Не для скачек предназначена, сумовая она. Пора тебе другую лошадь подобрать.

– Где?

– В табуне подыщем.

Ирве с Верой приехали на выпас вечером следующего дня. Табун Гланартана был невелик – не больше сорока голов. Широко разбредясь по лугу, паслись лошади всевозможных статей и мастей. Тут же на лугу были наметаны сенные скирды для зимнего прокорма лошадей.

– И чьи это лошади? – спросила Вера.

– Наши, тановые. Общие для всех. Если нужна лошадь, можно придти сюда и выбрать себе любую.

– А твой Ветер тоже общий?

– Ты что?! Он мой собственный. У каждой семьи есть свои лошади, но если их не хватает, можно взять здесь. А если лишние – можно отдать в табун.

– Любой может просто придти и взять?

– Из нашего тана – да. Пришлые могут купить, или обменять свою лошадь на нашу.

Когда Ирве и Вайра подъехали к пасущимся на отаве лошадям, к ним навстречу верхом на невысокой лошади выехал табунщик – седой, не старый еще довгар.

– Помощи Трира тебе, Сигге, – поздоровался Ирве.

– Мира дому твоему, Ирве, – ответил тот. – Здравствуй, Вайра. Как отец, семья?

– В добром здравии, слава Валкуну. Ты один, никак?

– Нет. Ночные спят еще. По делу али так заехали?

– По делу. Лошадь для неё, – Ирве кивнул в сторону Вайры, – помоги подобрать.

– А что выбирать-то, бери самого ходкого, – хмыкнул Сигге, подмигнув Вере. – Я её повадку знаю.

Ирве отрицательно помотал головой:

– Если бы все было так просто... Она бы не на Тучке ездил, а моего Ветра отобрала.

Табунщик понимающе кивнул, пронизательным взглядом оглядел наездницу.

– Ну, езжай, я посмотрю.

Вера послушно тронула Тучку с места. Табунщик внимательно наблюдал за тем, как они движутся по кругу.

– Быстрее.

Вера подхлестнула кобылу, и та перешла на рысь.

– Хватит. Понятно. Думаю, есть подходящий – Крепыш.

– Эннара конь?

– Его, да будет теплой ему Обитель Нейны. Крепыш – хороший конь. Взрослый, но не старый. Быстрый, умный и опытный, в бою бывал.

– Да, знаю его. Ход хороший, и выезджен на славу. Эннар его ладно выучил.

– Думаю, и она ему понравится.

– Я ему понравиться должна? – удивилась Вера словам табунщика.

– А то. Конь – твоя опора и защита в поле, а ты – его хозяйка, и вы должны быть как единое целое, чувствовать и понимать друг друга. Будьте тут, я его приведу.

Табунщик развернул свою лошадь, привстал в стремянах, оглядывая луг, и отъехал. Вера повернулась к Ирве.

– Эннар – это кто?

– Младший брат Эрмона, муж Нерсы и отец Эрига. Он погиб этой весной. В той битве на Дерне, где тебя ранили. Отец Нерсу взял в семью, не чужая она нам все же.

– А Эрмон нам кто? – робко поинтересовалась Вера.

– Муж Айсы, нашей тетки по матери. Гвир и Савра – его дети. Смотри, вот твой конь.

Сигте вел к ним на веревке серого коня с небольшой сухой головой, высоко поставленной шеей и длинными, мускулистыми ногами.

– Какой красивый, – залюбовалась Вера. – Как это его не забрали до сих пор? Или не купили?

– Забрали однажды, – усмехнулся Сигте, спрыгивая со своей лошади. – Так он дверь в деннике выломал у нового хозяина, и сюда пришел. Купить хотели, опять же. Хотели, да поймать не смогли. Как чуял, зачем ловят! Не всякий ему по душе. Подойди к нему, посмотрим как он тебя примет.

Табунщик сделал знак Вере, и та, спрыгнув с Тучки, медленно подошла к Крепышу. Конь стоял спокойно, с любопытством рассматривая голубыми глазами приближающуюся к нему девушку. Она подошла сбоку, коснулась его рукой. Выгнув лебединую шею, Крепыш заглянул Вере за спину, потом шумно обнюхал её и потыкался носом в пустые руки. Вытянув веревку из рук табунщика, конь отошел в сторону и стал спокойно щипать траву.

– Чего это он? – спросила Вера.

– Думает, – глубокомысленно пояснил Сигте, сложив руки на груди, и хитровато глянул на Вайру. Вера доверчиво кивнула, не зная, что делать дальше. Ирве усмехнулся, тряхнув головой.

– Вайра! Он уже подумал. Бери веревку, садись на Тучку и веди его домой.

– Откуда ты знаешь? – с сомнением в голосе поинтересовалась она.

– Ну не целовать же он тебя должен, – хохотнул Ирве. – Если не убежал, не укусил и копытом не вдарил, значит признал.

Вера, помедлив, подняла свободный конец веревки, и потянула к себе со словами, – Иди ко мне, Крепыш.

Конь поднял голову и спокойно подошел.

– Забирай, забирай, – улыбнулся Сигте. – Пусть он будет тебе другом.

Крепышу отвели стойло, в котором раньше обитал Гром. Нерса, увидев, какого коня привели для Веры, тихонько всплакнула, но не сказала ни слова. Позже, зайдя в конюшню и печально улыбнувшись, она сказала Вере.

– Он сухари любит, – и протянула Крепышу на ладони несколько сухарей.

– Я его не обижу, – понимая, что творится в душе у Нерсы, отозвалась Вера.

Глава 3

Созрела рожь, доспевал овес. Точились косы и серпы – довгарский тан готовился к жатве. В последний раз хозяевами осматривались и подправлялись амбары и лари. За несколько дней до начала жатвы Ирве по распоряжению отца отправился осмотреть поля, и позвал с собой сестру. Оседлав коней, они направились к западу от Гленартана.

– Сначала рожь проведаем. На обратном пути на овес заедем. Если повезет, куропаток набьем, поле – самое для них место, – Ирве закинул на седло лук.

Налитые соком щедрой земли, золотистые тяжелые колосья клонились к земле. Драгоценными камнями на желтой скатерти хлебов посверкивали васильки и ромашки. Пустынная дорога, заросшая невысокой травой, вилась меж полей и пригорков. Стрижи стремительными стайками носились в синем небе, под пышными белыми облаками. Рощицы и одиночные деревья среди полей, дающие укрытие от солнца в страдную пору, шелестели зеленой листвой под порывами сухого теплого ветра.

Ирве спешился у края поля, сорвал колосок. Потерев его меж ладоней, вдохнул с рук ржаной запах, сдул шелуху, и вытряхнул зерна себе в рот.

– Хороша! – потянувшись, он закинул руки на затылок и оглядел колышущееся море ржи.

Вера, сидя на Крепыше, засмотрелась на ширившийся вокруг простор. На живое, дышащее, непостижимое в своей необъяснимой и необъятной красоте, на гармоничное и совершенное Всё, зовомое природой. Казалось ей – шагни вперед, и утонешь в волнующихся золотых волнах, погрузишься в них с головой.

– Вайра! – голос Ирве вывел её из состояния отрешенности. Брат уже отъехал на несколько шагов, и звал её, – едем, Вайра!

Золотые поля ржи сменились серебрящимися овсяными посевами. Примыкающий к ним край леса был светел, опушка пестрела зарослями кипрея. Вера, улыбнувшись, направила коня туда. Спешившись, она принялась обрывать душистые розовые соцветия, набивая ими полотняную торбу.

Ирве тем временем, отъехав чуть дальше, осматривал поле. Заметив на его краю замятые участки, он обеспокоенно нахмурился. Соскочив с коня у проплешин, присел и взял в руки примятые колосья. На верхушках поломанных колосьев остались лишь волоски, в метелках не было ни зернышка. «Мадвур», – Ирве резко поднялся, встревожено оглядываясь вокруг. Колышущаяся масса сизых колосьев таила в себе опасность. Ирве попятился к коню, взобрался в седло, и, взяв лук, наложил стрелу.

– Вайра, – негромко окликнул он. Ответа не последовало. Ирве оглянулся туда, где несколько минут назад видел сестру. На опушке стоял только Крепыш, глядя в лесную глубь, скрытую кустами. Выругавшись на несвоевременность физиологических потребностей сестры, Ирве подъехал к Крепышу.

– Вайра! – позвал он её. – Вайра, уходить надо, тут мадвур поблизости.

За спиной хлопнуло и зашуршало. Ирве молниеносно обернулся в седле, вскинув лук. По краю поля, выпорхнув из овса, бежала куропатка. Ирве перевел дух, и в этот миг из леса донесся крик.

Прянув с седла, Ирве бросился в лесную тень. Продравшись сквозь кусты, он ринулся вглубь леса с воплем:

– Вайра-а!!!

Крик сестры резал тишину леса, и Ирве, перепрыгивая трухлявые упавшие пни и петляя меж стволов, мчался на него.

Темную тушу мадвур, нависшую над съезжившейся на земле девушкой, он увидел изда-лека.

– А-а-а-! – Ирве с ревом кинулся к нему, спуская тетиву. Зверь пал на передние лапы, и стрела скользнула по верху спины. Повернувшись к Ирве, мадвур с угрожающим рычанием двинулся ему навстречу.

– Давай, зверюга, отойди от неё! – Ирве натянул лук, громким криком отвлекая зверя от Веры. – Иди сюда, ко мне!

Сделав еще несколько шагов, священный танок остановился, умерив рычание и раздраженно вертя длинным хвостом. Ирве, в душе надеясь, что мадвур просто уйдет, продолжал кричать.

– Уходи! Вайра, уходи оттуда! Только медленно, не дразни его! Ко мне продвигайся!

Вера, замолчав, стала медленно отползать в сторону от зверя. Расстояние между ней и мадвуром постепенно увеличивалось. Танок наблюдал за стоящим перед ним человеком, и, казалось, не обращал никакого внимания на несостоявшуюся жертву. Голос Ирве стал тише, он уже не кричал, а говорил.

– Прости, если побеспокоили тебя, священный мадвур. Мы уходим. Позволь нам уйти. Мы принесем богам щедрый дар за твою милость, а ты можешь есть столько овса, сколько пожелаешь.

Внезапным стремительным молчаливым прыжком мадвур преодолел расстояние до Веры. Придавив её ногу передней лапой, зверь разинул пасть в намерении вонзить клыки в тело девушки. Стрела Ирве угодила в пышущую горячим дыханием глотку, пробив щеку и язык. Рык потряс лес. Зверь взметнулся на задние лапы, и в этот миг подскочивший Ирве ударил его ножом под ребро, в сердце. Вера успела отпрянуть в сторону до того, как мадвур рухнул на землю, подняв вихрь листьев. Он еще смог отползти на несколько метров, оставляя на земле глубокие борозды от когтей и кровавые полосы. Потом всхрапнул в последний раз, дернул лапами и стих.

Ирве с ужасом смотрел на неподвижное тело зверя. Потом опустил на колени, уронил голову на руки.

– Что я сделал... Что же я наделал!

Вера, которую еще трясло мелкой дрожью, подползла к нему, обняла.

– Спасибо. Спасибо. Ирве! Все хорошо, хорошо.

Тот отнял ладони от лица, оторопело взглянул на сестру.

– Хорошо? Хорошо?! Это, по-твоему, хорошо?!!

Он высвободился из её объятий.

– Вайра, послушай. Это очень, очень плохо. Мадвур – наш танок. Мы совершили большой грех, убив его. Этого нельзя делать!

Вера не верила своим ушам. Она мотнула головой в сторону мадвюра.

– Ты предпочел бы, чтобы вместо него тут в луже крови лежала я?

– Нет! – вымученно простонал Ирве. – Ты что, правда, не понимаешь, что произошло?

– Я понимаю это так, что на меня напал дикий зверь. А ты, защищая меня, его убил. Разве это ненормально?

Она поднялась и отряхнулась, огорошенная тем, что Ирве больше переживает за какого-то зверя, чем за неё. Он тоже встал, подошел к мадвюру, и, подняв тяжелую лапу, вытащил нож из туши.

– Если бы это был обычный хищник, я бы убил его без всякого сомнения, – смирившись с содеянным, Ирве вытер нож о траву, кинул его в ножны, исподлобья глядя на сестру. – Но мадвур – хранитель нашего тана. Кто убивает своих хранителей? За такую провинность будет суровое наказание.

– А что, оглашать случившееся всему тану обязательно? – Вера посмотрела на Ирве, как на неразумное дитя. В его серых глазах вспыхнул огонь возмущения.

– Я тебя не узнаю, сестра! Ты говоришь, как чужая. Ты считаешь, что я смогу спокойно жить с таким камнем на сердце? Думаешь, если об этом не узнают в Гленартане, боги будут милостивее? Кара будет еще более жестокой! Я сам буду отвечать перед богами, духом мадвура и таном!

Вера развела руками, понимая, что даже пытаться переубедить его бессмысленно. В чужой монастырь, как говориться...

– И как мы его потащим?

– Волокуши сделаем. Кони дотянут. К седлу топор приторочен, принеси. И веревку.

Срубив две березки, Ирве на скорую руку соорудил волокуши, и вдвоем они кое-как затащили тушу мадвура на них. Вера привела Ветра, чтобы привязать к нему волокуши. Но тот, почуяв запах зверя, захрапел и заартачился, не позволяя Ирве прикрепить оглобли. Пришлось запрягать в волокуши Крепыша. Тот, пофыркав, все же позволил приладить жерди. Ирве вырубил на опушке кусты, и Вера вывела коня под уздцы на дорогу.

– Вайра натойче мадвурэ! Вайра натойче танокэ! – дикими голосами орали ребяташки, врываясь в ворота тана.

Они понеслись по селению, вопя во все горло. Из домов на их крики стали выскакивать доггары. Вера видела, как бледнели лица сельчан, едва им удавалось разобрать то, о чем кричат напуганные дети. «Вайра убила мадвура! Вайра убила танокэ!» Со всех сторон к ней и Ирве бежали люди, и вскоре вокруг них собралось все население тана. Окруженные плотным кольцом людей, Ирве и Вера добрались до площади посреди селения. Под глухой ропот мужчин и испуганные причитания женщин Ирве отвязал волокуши, на которых лежала мохнатая туша. Подняв глаза, он увидел направленные на сестру осуждающие, напуганные и откровенно неприязненные взгляды. Ирве нахмурился, и, подойдя к Вере, взял её за руку.

– Не бойся, Вайра. Никто не посмеет тронуть тебя.

Торопливо растолкав людей, в центр круга выбился Баэлир. Охнув, он подскочил к волокушам и склонился над мертвым зверем. Жрец провел рукой по жесткому меху, и его ладонь окрасилась в алый цвет. Баэлир медленно распрямился, и повернулся к стоящей в центре круга паре. Правый глаз его дергался, а рот гневно кривился.

– Ты!!! – трясущийся палец, перепачканный в крови зверя, уперся Вере в грудь. – Ты....

– Это не она! – Ирве заслонил Веру. – Мадвура убил я!

Вздых негодования пронесся над головами людей. Яростный взгляд жреца впился в лицо Ирве. Тот решительно выпрямился и оглядел людей.

– Мадвура убил я! – громко повторил Ирве.

Баэлир, не сводя с юноши негодующего взгляда, занес руку, но ударить не успел.

– Никто не смеет бить моих детей, – подошедший Ори перехватил кисть жреца.

– Они вред опрометчиво нашему танокэ причинили! – вздернул подбородок Баэлир, вырывая руку из сильных пальцев танеда. – Говорил я, всегда я знал, что лишь вред будет нам от приемыша твоего! Вот и сын твой, о почтении обычаев наших забыв, на священного зверя оружие поднял! Теперь грозит всему тану кара Валкуна!

Последние слова жрец прокричал, потрясая кулаками.

– Остынь, Баэлир, – нахмурил брови Ори. – Прежде, чем обвинять, надо их выслушать.

Он повернулся к Ирве.

– Ирве, ты убил танокэ. Это тяжелый проступок. Законы наши ты знаешь. И я, и Баэлир, и весь тан хочет знать, зачем ты это сделал.

Ирве помедлил, взглянул на жреца, на отца, на Веру, и, опустив голову, сказал.

– Мадвур напал на Вайру. Я защищал сестру.

Люди переваривали эти слова, затаив дыхание и переглядываясь. Баэлир прищурился и тихо произнес, глядя Ирве в глаза:

– Танок на людей тана хранимого не нападает. Опасность от силы его лишь чужакам грозит. Где оберег мой, что дал ей я? Смотрите, люди, его нет на руке её! Отринула она защиту танока, тяжела ноша священного оберега для чужака.

Вера бросила взгляд на запястье, где был привязан оберег. Его там не было. По всей видимости, она потеряла его в лесу.

– Вайра не чужая! – побледнев, выкрикнул Ирве, понимая, куда клонит жрец.

– Баэлир, ты говори, да не заговаривайся, – грозно нахмурившись, поддержал сына Ори. – Она не пришлица, а дочь мне.

– Приемная, Ори, – вкрадчиво промурлыкал жрец, взглянув на Веру, выглядывающую из-за спины Ирве. – Приемная. Кто знает, кого ты привез из страны рыжеволосых?

– Я привез ребенка моего друга Строна, – насупился Ори.

– Возможно. А возможно и нет. Если владеют нимхи силой неизвестной, то могли они подменыша тебе отдать. Дабы отомстить народу нашему за испорченную кровь их.

– Хватит! – Ори шагнул к Баэлиру, и, схватив того за плечи, как следует встряхнул. – Ты безумные вещи говоришь!

– Нет. Это не речи мои безумны! Безумна дочь твоя! – не унимался жрец даже в железных тисках рук танеда. Голос его больше не был тихим, теперь Баэлир почти кричал, громко и уверенно, указывая на Веру. – Взгляни же, взгляни, Ори! Не выжить никому после ран таких! Никому, кроме тех, кого не принимает в свою Обитель Нейна, кроме тех, над кем власть имеет лишь Неназываемый! Отметина черного Лангора на лице у дочери твоей! Не Вайра она больше, но темный дух, посланный, чтобы нести зло людям!

– Замолчи!!! – Ори с негодованием оттолкнул жреца. Баэлир отскочил, споткнувшись о волокуши со зверем, но сохранил равновесие. Взгляд жреца вспыхнул возмущением, и он бросил в лицо Ори:

– По довгарским законам, те, кто носит знаки Неназываемого на себе, испытанию священным железом подвергнуты должны быть. Если примет их Нейна в свою Обитель, то погребен прах по обычаю будет. Если же останется жив испытание проходящий, то в очищающее пламя Валкуна ему путь!

– Ты слишком ускоряешь события, Баэлир, – с едва сдерживаемой яростью проговорил Ори. – Сначала нужно убедиться в правоте твоих слов. И за жизнь моей дочери я буду бороться, что бы тебе там не казалось! Я не хуже тебя знаю законы и обычаи! Ты один решать не вправе. Нужно согласие верховного жреца. Если он признает Вайру тем, кем её считаешь ты, то только тогда этот закон может быть исполнен! И, даже если это так, всегда можно провести обряд изгнания Неназываемого.

– Я получу согласие это, – уверенно кивнул Баэлир. – Не сомневайся.

– Баэлир, – недоуменно свел брови Ори. – Такое впечатление, что ты не хочешь даже думать о спасении моей дочери, что для тебя главное – избавиться от неё!

– Не для меня, – покачал головой жрец. – Весь тан, народ весь от неё избавиться надо мне! Ты помнишь, танед, тридцать лет назад тому горестные события для тана нашего тоже с убийства танока начались! Хочешь ужас тот повторить? Хочешь, чтобы имя твоё в устах потомков с проклятиями перемешано было? Послушай меня, Ори, я совет мудрый тебе даю. Избавь Гленартан от несчастий грядущих!

Наступила тишина. Замолчали даже собаки, скулящие за спинами людей, и рвущиеся на запах свежей крови. Баэлир ждал. Ори стоял, молча глядя на него. Танед знал, о чем говорил жрец. Он был тогда подростком, и помнил тот страшный год. Год, когда четверть населения Гленартана умерла от непонятной болезни. Немошь нагрянула через неполный месяц после того, как один из сельчан по неосторожности убил мадвур. Обряд прощения был про-

веден, как положено, и, судя по словам тогдашнего жреца, танок простил преступника. Но, тем не менее, первой жертвой страшного недуга стал именно убивший зверя довгар. Ори вздрогнул и побледнел. Ведь мадвур убил Ирве! Мысль о том, что он может потерять сразу обоих детей, обожгла Ори как раскаленным железом.

– Но... но танок погиб от рук моего сына, – тихо выговорил танед.

– В этом вина не сына, а приемыша твоего. Дочь твоя на это ненамеренное деяние Ирве подтолкнула, ей и ответ полный держать. Но про неё я всё сказал. Сыну же твоему обряд прощения пройти будет нужно.

– Когда? – насторожившись и внутренне трепеща, спросил Ирве.

– Сегодня же вечером. День новый явит людям милость Валкуна. Или гнев его.

При последних словах Ирве порывисто вздохнул, глядя в глаза Баэлира. Жрец выдержал паузу, потом повернулся и махнул рукой людям, чтобы расходились. Ори, угрюмо смотревший на тушу мертвого зверя, проговорил:

– Если танок простит Ирве, ты оставишь Вайру в покое?

– Нет, – последовал короткий ответ. – Но если жрец верховный мою неправоту признает, и если станет дочь твоя прежней, тогда мне отступить придется от воззрения своего.

– Я понял тебя, Баэлир, – кивнул Ори. – Тогда мы отправимся в Ранготан. И я докажу, что ты ошибаешься.

– Я лишь рад буду, если заблуждаюсь сейчас, – с горечью в голосе ответил Баэлир, не поворачивая головы. Потом поманил Ирве, – Идем со мной.

Ирве взглянул на отца, и Ори заметил в его глазах страх.

– Все будет хорошо. Иди, – сказал он сыну.

Наступивший вечер был наполнен тревогой, смутным трепетом перед ожидаемыми событиями, неясными и непредсказуемыми. Глядя на удрученные, а то и откровенно испуганные лица домочадцев, Вера понимала, что происходит нечто очень важное, значительное и... скверное. Всегда такая улыбчивая и деловитая, Айна заперлась комнате, и оттуда не доносилось ни звука. Ори слонялся по двору, заходил в дом, то брался за какую-нибудь работу, но потом бросал её, опускал руки и подолгу стоял, глядя, как движется по небосклону солнце.

Опустели улицы Гленартана. Неугомонная ребятня, только что взбивавшая сухую пыль босыми пятками, куда-то исчезла. Затихли даже перелаивающиеся собаки, и, поджав хвосты, убрались в тень высоких заборов с площади, где остался лежать мертвый зверь.

Как только солнце коснулось краем дозорных вышек, над селением поплыли тяжелые низкие звуки набата – Баэлир звал народ.

– Вайра! – нетерпеливый голос Ори заставил Веру встрепенуться. Она выбежала, и в дверях столкнулась с Айной. Та была блее полотна. Ори подошел к поленнице, и, выбрав из штабеля дров поленья подлиннее и потолще, взял их в охапку.

– Время. Идемте.

Потянулись из домов люди – мужчины с вязанками дров, мрачные и молчаливые; заплаканные бледные женщины, за подолы которых цеплялись дети с не по возрасту серьезными и печальными личиками; годами не покидавшие своих келий древние старцы, ведомые хмурыми подростками, плотно сжавшими губы и казавшимися старше. А медный голос била всё тянулся над таном, сочился сквозь стены, скликал людей.

Пришли все. Пришли, чтобы просить богов о милости, о прощении за проступок одного из них, о снисхождении и помиловании жителей Гленартана за совершенное святотатство.

Еще час назад горизонт, на сколько хватало глаз, был чист. А теперь с севера поползли лохматые темные тучи, подкрашенные светом заходящего солнца в пунцовый цвет. Опережая

тучи, промчался над Гленарганом ветер, дохнув холодом наступающей осени. Собаки вытянули морды, принюхиваясь к принесенным из-за далёких гор запахам, беспокойно поводя ушами.

Сходившиеся на площадь люди складывали принесенные поленья на указанное Баэлиром место, пока не образовался внушительный штабель. Оглядев получившееся сооружение, Баэлир удовлетворенно кивнул. Он обвел глазами собравшихся сельчан, и они, поняв безмолвный приказ, отступили назад. Семья Ори выдвинулась в первый ряд. Вера, заинтересованная происходящим, хотела протиснуться вперед, но Ори удержал её и указал себе за спину. Рядом с ним, заслонив собой Веру, встал Эрмон. Вера послушно притаилась за ними, подальше от неприязненных взглядов людей, наблюдая за происходящим в промежуток над плечами мужчин. Она увидела, как жрец вывел на середину Ирве, и услышала судорожный вздох Айны. С головы до ног закутанный в ниспадающий светлый холст, Ирве остановился возле туши мадвур. Баэлир широким кругом расставил вокруг Ирве и зверя многочисленные глиняные плошки, что-то налил в них из большого узконосого кувшина. Обрызгал из этого же кувшина поленицу. Потом взглянул в сторону Ори, и, вынув из-за пояса недлинный острый нож, протянул его танеду. Ори расправил плечи, вышел вперед и принял нож из рук жреца. У Веры сердце зашлось в недобром предчувствии. В безотчетном порыве она сделала шаг вперед. Но Эрмон оттеснил её назад, а место Ори заняла Айна.

Баэлир перевел взгляд на угасающий горизонт. Несколько минут все, замерев, смотрели на закат. Но вот и последнее облако, подкрашенное алым, посерело. Загустели над таном сумерки. Баэлир сплел пальцы рук перед грудью, опустил голову. До Вериных ушей донесся его тихий голос, произносящий незнакомые слова. Он становился все громче, сильнее. Внезапно жрец раскинул руки в стороны, выкрикнув несколько слов, и в плошках вокруг Ирве вспыхнул огонь. Баэлир кивнул Ори и они вошли в пылающий круг. Стащив с волокуш мадвур, Ори и Баэлир принялись снимать с него шкуру. Вера отвернулась, не желая глядеть на то, как под острыми ножами проступает желтовато-красная плоть. Ори ворочал зверя, вытягивая лапы, делая надрезы на брюхе, и поддевая руками плотную шкуру. Баэлир сноровисто отделял меховой покров от туши. С головой пришлось повозиться, но вскоре шкура, снятая с туши целиком, была в руках у жреца.

Вере, которую мучило при виде кошек, попавших под колеса автомобилей, стало совершенно мерзко при виде развороченной на земле плоти животного. Бросая краткие взгляды на место действия, она видела, как Баэлир извлек сердце зверя и положил его в чашу. Затем обвязал задние ноги зверя веревкой, и вдвоем с Ори они затащили тушу на груды поленьев. Забрав нож у Ори и отпустив его кивком головы, Баэлир расстелил шкуру на земле мехом вниз. Затем подошел к Ирве. Протянув руку, жрец стянул с юноши белый покров, и тот остался совершенно нагим. Послушный тихим словам колдуна, Ирве опустил на мокрую от крови, в ошметках жира и мяса, шкуру зверя. В руках у Баэлира появилась игла, и он широкими стежками стал зашивать шкуру на Ирве. Вера в шоке смотрела, как тело её спасителя скрывается под темным мехом мадвур. Последними швами Баэлир скрепил шкуру на голове. В прорезях звериных глазниц были не видны глаза Ирве, когда он поднялся на ноги перед жрецом. Лишь на груди, там, куда угодил нож, в прорехе просвечивало тело. В отблесках трепыхающегося в плошках пламени извивались косматые тени, отбрасываемые Ирве. Они то удлинялись, словно подкрадываясь к стоявшим вокруг людям, то съеживались, подползая к лохматой фигуре в центре огненного круга.

Баэлир вплотную приблизился к Ирве. В левой руке у него была чаша с сердцем, в правой – узкий обрядовый нож. В тишине, нарушаемой лишь потрескиванием масла в плошках, негромкие слова были слышны всем.

– Повторяй за мной, – произнес жрец. – Предо мной твой свет.

– Предо мной твой свет, – глухо отозвался из-под шкуры Ирве.

За спиной стезя.
Вспять дороги нет.
Выправить нельзя.
Что мною содеяно.
Лихим часом навеяно.
Стою пред твоим ликом.
В смятенье великом.
Ако младень наг.
Никому не враг.
О милости прося.
Твою кару снося.

Слова, произносимые Ирве, приглушенным эхом плыли над площадью. Замолчав, Баэлир занес нож над чашей и вонзил его в сердце мадвур. Затем, выдернув клинок, ткнул острие в просвет шкуры, в тело Ирве. Тот вздрогнул, но устоял на ногах. Вера в ужасе ахнула. Айна сжала её руку, заставляя замолчать. На лезвии, воздетом Баэлиром кверху, алела кровь. Страхнув капли в чашу с сердцем, жрец несколько раз обошел вокруг Ирве, приговаривая:

В вечном веку
Светлому Валкуну
славу реку —
Жизни хранителю,
небес повелителю.
Именем Яснобога
Зову на помощь,
Нейну, Акилу, Трира и Уннию,
Иороса, Кану, Локо и Сулию.
Искуплена кровью
Вина родословья.
Хозяин-мадвур,
отец черно-бур.
Нам вину отпусти,
роду не мсти.

После этого Баэлир поставил чашу с сердцем на поленницу и убрал нож. Взяв одну из плошек с горевшим огоньком, он поднес её к дровам. Сухие поленья, окропленные маслом, охватило пламенем. Через несколько минут на площади жарко полыхал костер, распространяя дым и запах горелого мяса.

Под треск поленьев и гул огня Баэлир поднял вверх руки, и обратился к собравшимся на площади людям.

– Идите по домам. Новый день явит нам волю Валкуна.

Выслушав жреца, люди стали расходиться. Айна потянула Веру за руку.

– Идем.

– А Ирве как же? – Вера указала на центр площади, где, освещаемый яркими сполохами костра, в его жарком дымном мареве, остался стоять брат.

– Он будет здесь до рассвета, – ответила Айна. Голос её дрожал. Глаза были полны тревоги. – Милостью Валкуна, все будет хорошо. Баэлир провел обряд, надеюсь, боги и танок простят моего сына.

– Но он же ранен! Ему нужна помощь! – Вера попыталась вырваться из рук Айны. Но та с неожиданной силой стиснула руку, и взглянула на Веру холодным взглядом.

– Баэлир ему уже помог. А наша помощь – в молитве. Пойдем! Здесь нам нельзя быть ночью.

Вера подчинилась хватке Айны, понимая что противиться здешним обычаям и законам – себе дороже. Но, ведомая ею, не переставала оглядываться на Ирве. Её снедала мысль о невозможности хоть чем-то практически помочь раненому парню, хоть немного облегчить его положение. Ведь в том, что сейчас с ним происходило, была отчасти её вина.

– Почему нельзя кому-то побыть с ним эту ночь? – спросила Вера.

– Потому что дух мадвур будет с ним. Они должны примириться. Нельзя мешать им, иначе танок будет мстить и убьет Ирве.

Вера бессильно покачала головой. Было бесполезно объяснять им всем, что Ирве, истекающий кровью, задыхающийся в тяжелой и плотной шкуре у полыхающего костра, с потенциально зараженной раной, уже и так стоял на краю гибели. «И они еще удивляются, что после таких процедур половина деревни вымирает! Туша день на солнце пролежала, наверняка разлагаться начала уже. В этом звере какой только заразы нет! А вдруг он вообще бешеный был, этот мадвур? Если он обычно на людей не нападает, зачем на меня так кинулся?» Веру кинуло в жар от этой мысли. Если её предположение верно, то, молись не молись, ничего хорошего Ирве не ждет. Да и Ори тоже, если он при разделке туши порезался или поцарапался. Он же воин, незначительную рану во внимание не примет. А она может ему стоить жизни.

Вернувшись домой, все разбрелись по своим комнатам. Вера тоже закрылась у себя, размышляя о том, что предпринять. За окном воцарилась тьма, ни одной звезды не было видно на небе, затянутом плотными тучами. Обдумав все как следует, Вера сняла один из метательных ножей со стены, и, припрятав его в рукаве, опасно выглянула из комнаты. В доме было тихо, никто не остановил её, крадущуюся при слабом свете масляного светильника. Вера пробралась в кухню, и, подсвечивая ночником, стала её осматривать.

– Вайра? – голос Ори за спиной испугал её. Повернувшись, она глядела на него, неслышно появившегося в дверном проеме.

– Ты что-то ищешь? – снова спросил он.

– Да, – взяла она себя в руки. – Не спится. Можно мне чего-нибудь выпить?

– Выпить? – Ори поскреб щеку с подрастающей щетиной.

– Да, и покрепче, – Вера села на скамью. – Мне не по себе.

Ори посмотрел на неё, вздохнул и кивнул.

– Понимаю. Мне тоже.

Он прошел в угол кухни, поднял крышку подпола, поманил Веру.

– Дай-ка светильник.

Взяв ночник, он спустился в погреб. Вера заглядывала в люк, слушая как Ори постукивает внизу посудой.

– Нашел, – поднявшись по лестнице, Ори подал Вере глиняный кувшин с осмоленной пробкой. Вера поставила на стол две кружки. Ори отскреб смолу, вытащил деревянную пробку, понюхал содержимое.

– Хороша, – одоблив, он плеснул в обе кружки зеленого напитка. Разом опрокинув свою кружку, шумно вздохнул. Вера молча изучала его руки, выискивая глазами царапины и порезы. Ори посидел, налил еще, закинул в себя вторую порцию. Взглянул на Веру.

– С Ирве все будет хорошо. Не вини себя.

Вера кивнула, успокоенная отсутствием видимых повреждений на коже Ори, и таким же жестом, как он, вылила напиток себе в рот. И тут же пожалела о сделанном. Горло и внутренности обожгло как огнем, а из глаз обильно потекли слезы. Вера задыхалась и кашляла, истекая слезами. Не видя ничего, почувствовала, как Ори забрал из рук кружку и сунул другую.

– Пей, это вода.

Вера приникла к краю кружки, и, проливая воду, стала пить, туша горевшее горло.

– Сильна-а, – обретя способность видеть, она узрела напротив насмешливые глаза Ори.

– Что... это что? – осипшим голосом проскрипела Вера, вытирая мокрый нос и щеки.

– Мятица, мятная паленка, – хмыкнул Ори. – Просила же «покрепче».

«Самогон», – догадалась Вера.

Ори поднялся. Повертел пробку в руках, бросил её на стол, взглянув на Веру.

– Много не пей.

И ушел. Пить Вера и не собиралась. Она посидела некоторое время, прислушиваясь к звукам, наполнявшим дом. Заткнула кувшин пробкой, нашарила в сундуке под лавкой кусок чистого холста,хватила фляжку с водой, задула огонек. Одной рукой придерживая ношу, другой впотьмах нащупывая дорогу, покинула дом.

Гленартан спал. Лишь ветер метался меж заборов, да кошка шмыгнула в сторону от Вериных ног. Стараясь держаться в тени заборов и стен, Вера скорым шагом шла на площадь. Костер еще не потух, но уже не был так неистов и шумен. В его мерцающем свете Вера увидела Ирве, лежащего на земле грудой черного меха. Затаившись, она выждала несколько минут, прежде чем выйти на освещенное пространство. Потом, успокоенная тишиной, подошла к Ирве. Опустившись на колени, она зарыла руки в мех и потрясла юношу.

– Ирве, – тихим шепотом позвала Вера, – Ирве!

Мохнатая туша зашевелилась, послышался тихий стон. Вера сориентировалась по этому звуку и помогла брату перевалиться на спину. Надрезав шов на шкуре, Вера аккуратно его распустила, освободив голову и грудь Ирве. И скрипнула зубами, глядя на мокрое, красное, измученное болью и жарой лицо брата. Он впал в забытье, и не открыл глаз, когда она уложила его поудобнее. Вера осмотрела рану. Она была не так глубока, как можно было опасаться, и уже почти не кровоточила. Но это не преуменьшало опасности заражения. Смочив холст напитком из кувшина, Вера протерла нож и, орудуя им, принялась вычищать рану на груди Ирве. Сдерживая дрожь в руках и жалость, она раскрыла и мокрым холстом отерла края, а затем, не экономя, стала поливать её самогоном. Потом, приподняв Ирве и приложив фляжку с водой к его губам, она влила ему в рот воды. Глотнув, Ирве приподнял веки. Глаза его были пусты и затуманены. Он смотрел прямо на Веру и не видел её.

– Ирве, – снова позвала Вера. Ни намек на узнавание, ни малейшего отклика. Вера закусила губы. – Не иначе, опоил его чем-то этот шаман.

Дав Ирве вдоволь напиться, она опустила его на медвежью шкуру. Надеясь, что доггары, послушные обычаям, не высунут носа из домов до рассвета, Вера присела рядом. Она утирала пот с лица и груди юноши, поила его водой время от времени. Иногда он что-то бормотал, но слов было не разобрать. Кроме страха быть обнаруженной, доставлял хлопот выпитый на пару с Ори алкоголь – её клонило в сон. Через какое-то время внутреннее чутье подсказало Вере, что пора уходить. Помогая себе ножом, она вновь собрала шкуру по шву, делая широкие промежутки между стежками, чтобы Ирве мог нормально дышать. Бросив последний взгляд на брата, скорым шагом вернулась домой. Пошатываясь, Вера прокралась по двору, как можно тише отворила входную дверь и прошмыгнула в свою комнату.

Ори не спалось, он бродил по дому, и время от времени выглядывал в окна, ожидая рассвета. Неплотно закрытые ставни на окнах позволили незамеченным наблюдать, как его дочь в обнимку с кувшином, покачиваясь, проскочила двор. Он нахмурился и направился к ней, намереваясь отчитать за чрезмерное питье. Постучав в комнату и не услышав ответа, Ори приотворил дверь и негромко позвал:

– Вайра.

Ответом было сопение и сонный вздох. Ори заглянул, а затем вошел в комнату. В предрассветном полумраке его глазам предстала Вайра, уже крепко спящая, со свесившимися

с постели ногами. Ори осуждающе покачал головой, подошел, поднял лежавший у кровати кувшин. Тот был пуст. Ори досадливо крикнул, вздохнул и закинул на кровать ноги Веры. Она заворочалась, занимая удобную позу, и на пол скатились пустая кожаная фляжка и свернутая окровавленная тряпица. Танед поднял побуревшую холстину, развернул и увидел завернутый в неё короткий нож. Сев на кровать, Ори зажмурился, потер лоб и переносицу. Зажав в кулаке влажное полотно, пахнущее кровью, потом и мятной водкой, довгар долго смотрел на спящую Веру. Его серые глаза больше не были суровыми и осуждающими. Они были полны понимания и признательности.

Вера проснулась от мерного стука и ощущения, что на неё смотрят. Вовсю светило солнце. На кровати возле неё сидела Савра, и стучала по кровати ногами.

– Проснулась! – обрадовалась она. – Дядя Ори сказал – тебя не будить. А я просто сижу тут.

Вера проморгалась, прочистила горло.

– Доброе утро. Что Ирве?

– Он дома, – соскочила Савра с кровати. – Его тятя и дядя Ори принесли. Идем к нему!

– Как он? – сон моментально слетел с Веры. Она вскочила, и, поправляя на ходу платье, кинулась вслед за девочкой. Савра пожала плечиками.

– Не знаю. Меня к нему не пустили. Там Баэлир с ними.

Вера приоткрыла дверь в комнату Ирве. Увидев там жреца, Ори, Эрмона и Айну, хотела уйти, но Ори поманил её.

– Заходи, Вайра.

Ирве лежал на кровати с перевязанной грудью, бледный, но в сознании. Над ним склонился Баэлир, заглядывая в глаза и о чем-то спрашивая. Вера подошла ближе, чтобы услышать разговор.

– Она приходила ко мне, – Ирве слабо улыбался жрецу.

– Кто? – насторожился Баэлир.

– А я не помню, – растерялся Ирве. – Помню только – это была женщина.

– Что еще помнишь? – Баэлир сверлил глазами юношу.

– Было жарко и душно. Потом вдруг стало холодно. И рану... рану жгло.

Баэлир выпрямился, кивнул с видом знатока, и, воздев вверх палец, значительным шепотом произнес:

– Сама Нейна была подле тебя сегодня! Это её Холодной обители ветры овевали тебя! Раны твоей ледяной рукой касалась она, решая, забрать ли тебя. Милостью её, и светлого Валкуна волей, ты прощен.

Айна прикрыла рот рукой, радостно засмеявшись.

– Я молилась! Баэлир, боги услышали мою молитву!

– Услышали, – подтвердил Баэлир, довольно шурясь. – Усердные молитвы боги слышат.

– Благодарность наша тебе, Баэлир, – поклонился ему Ори, приложив руку к груди. Жрец благосклонно кивнул, и, сопровождаемый Эрмоном, покинул комнату. Выходя, он кинул внимательный и неприязненный взгляд на Веру.

Айна, смеясь сквозь проступающие слезинки, гладила сына по лицу, по волосам, и все повторяла:

– Я молилась, Ирве. Я так молилась!

А Вера, стоя поодаль, слушала этот разговор, и, улыбаясь, смотрела на Ирве. Он глянул на неё, радостно-удивленный.

– Вайра! Я прощен! Все будет хорошо!

Вера кивнула, подмигнула Ирве и вышла из комнаты. Переполюнявившим её чувствам было мало места в комнате, хотелось выйти на воздух. Хотелось смотреть на небо, ощущать дви-

жение жизни вокруг, чувствовать полноту бытия. Ори задумчиво посмотрел ей вслед, и тихо пробормотал себе под нос:

– Не молитвой единой жив человек.

В горнице Вера снова столкнулась с Баэлиром. Она хотела пройти мимо, но тот цепко ухватил её за руку.

– Так где оберег, что дал тебе я? – тихо процедил он, щуя глаза.

– Я его потеряла, ремешок порвался, – ответила Вера, вырвала руку из пальцев жреца и быстрым шагом направилась прочь.

– Подменьш... вползла ты в дом, аки змея вползает на очаг, погреться дабы. И жала смертоносные вонзаешь в тех, кто кров дал тебе. Но я крепок супротив тебя, – прошипел Баэлир вслед Вере.

Радость и душевный подъем улетучились, словно жрец высосал их своим прикосновением. Вера затылком чувствовала его враждебный взгляд, от шеи по спине пополз холодок. Толкнув дверь, она выскочила из дома. Постояв на крыльце, пошла в конюшню. Обняв за шею Крепыша, она уткнулась в его светлую гриву и тихо заплакала.

– Если бы ты знал, коняга, как я устала! Как я хочу домой! Домой, в свой мир, к своей семье! Я хочу проснуться, придти в себя, очнуться от этого кошмара.

Слезы вскоре иссякли. Вера опустила на устеленный соломой пол, обессилено привалившись к стенке денника и закрыв глаза. Крепыш спокойно и неспешно жевал корм, уткнувшись носом в ясли. У открытых дверей конюшни послышались мужские голоса. Вера прислушалась, и различила голос Ори и Баэлира.

– Ну, к чему так торопиться, Баэлир. С Ирве ведь все хорошо.

– Ты обещал мне, танед.

– Помню. Дай хоть хлеб убрать! Жатва начинается!

– Я говорил тебе, в начале самом говорил, что Неназываемый овладел разумом приемыша твоего. Ты от испытания отказался. К чему привело твоё своеволие, видишь сам уже. Что ждет нас еще? Какое придет зло через неё? Не знаешь ты, ни я не ведаю. Но беду предвижу. Отдай приемыша мне, на испытание.

– Тебе без решения верховного жреца я её не отдам. А ехать сейчас нельзя – хлеб убрать надо, – повторил Ори. – Как они без меня? Повремени, Баэлир! Рожь уберем, и мы с Вайрой тотчас отправимся в святилище.

Последовало долгое молчание.

– Тебе вновь уступаю я, Ори. Жатва – дело великое. Моли Валкуна и богов всех, дабы не ввергся тан в горсть новую.

На жатву вышел весь тан, от мала до велика. Жали серпами и косами, сразу увязывая в снопы, и оставляя их на просушку прямо в поле. Вера трудилась не покладая рук, учась у Айны жать и вязать снопы, складывать их в скирды. Работая наравне со всеми, она заражалась этой всеобщей душевной озабоченностью полевыми работами. В полуденное время народ отдыхал в тени деревьев или полотняных навесов, обедая взятой из дома провизией. В тан возвращались по вечерней росе, а там ждали другие заботы. Ирве не лежал в постели и дня. Рана не беспокоила его, и он вместе со всеми работал и в поле, и в доме.

Соплеменники сторонились Веры, избегая заговаривать с ней, или просто находиться рядом. Только её семья была с ней приветлива так же, как и раньше. Иногда появлялся Баэлир. Он обходил поля, благословляя жнецов, а потом подолгу стоял, издали наблюдая за Верой.

Наконец, весь хлеб с полей был снят, высушен, обмолочен и засыпан на хранение. После трудных недель выдался день отдыха. Айна по довгарскому обычаю затеяла праздничные

пироги из муки нового урожая. хлопоты завершились вечером, и стол, за которым собралась вся семья, был уставлен пирогами со всевозможными начинками. Под довольные возгласы домочадцев Айна поставила перед Ори большой узорный каравай.

– Слава Валкуну, благодарение Сулии и верхним богам за щедрый урожай, – Ори взял каравай и коснулся его губами. Потом разломил его на части и сложил их на блюдо, которое Айна поставила в середине стола. Ели похлебку, закусывая пирогами и запивая пенным ржаным квасом. Каждому из членов семьи полагалось съесть ломоть от каравая.

– Гвир, передай сестре хлеб, – Эрмон толкнул сына локтем, указав на блюдо.

– Сама возьмет.

– Передай, – насупился Эрмон.

– Что я ей, нянька?

– А тебе что, трудно? – упрекнул его Ори. – Надо заботиться о своих сестрах и братьях.

– Она мне не сестра, – проговорил Гвир, взглянув на отца.

– Гвир?

– Вот моя сестра, – повысив голос, мальчик указал на Савру, потом на Ирве и Форка. – Вот братья. А она – никто! Подменьши!

Мальчишка вскочил, бросив на стол ложку, и убежал.

– Гвир, вернись! – сердито крикнул ему вслед Ори. Но мальчик и не подумал возвращаться. Больше никто не проронил ни слова.

– Благодарение Сулии за пропитание, – пробормотала Вера, отставив кружку. – Я пойду.

– Куда ты? – нахмурился Ори.

– К себе, – пожала плечами Вера, встала и быстро ушла. Никто её не остановил.

«Подменьши. Пришлица. Мальчик прав», – думала Вера, уткнувшись лицом в одеяло. Слезы сочились и пропитывали тонкий войлок. В дверь постучали. Вера подняла голову, но не ответила.

– Вайра, это я, – услышала она голос Ори. – Открой, дочка.

Она поднялась и подошла к двери.

– Открой, Вайра, – услышав её шаги, снова попросил Ори. – Поговорить надо.

Вера отбросила щеколду, и Ори вошел в комнату. Посмотрел на её лицо, нахмурился.

– Не обижайся на брата, Вайра. В тане болтают всякое, а он и уши развесил.

– Я не обижаюсь, – дернула плечами Вера. – Мне все равно.

Ори недоверчиво хмыкнул, и погладил её по плечу.

– Надо нам с тобой ехать.

– Куда? – равнодушно произнесла Вера.

– В Ранготан. В святилище. Я обещал Баэлиру. И себе. Готовься. Послезавтра на рассвете. Он еще раз коснулся её руки и вышел.

Глава 4

Дорожную одежду на следующий день Вере помогла приготовить Айна. Порывшись в сундуке, она вынула из него белую рубашку с длинными рукавами, темно-зеленую охотничью куртку из плотной шерсти, такие же брюки и широкий кожаный ремень. Встряхнула и вновь аккуратно свернула длинный дорожный плащ с капюшоном. Сложила все это на лавку, а под неё поставила высокие сапоги с мягкой подошвой.

Едва за окном забрезжил рассвет, в комнату Веры стукнул Ори. Вера вскочила с кровати и быстро оделась. Одежда была удобной, прочной, и не сковывала движений. Рукава куртки от запястий до локтя были подшиты кожаными накладками. Мягкая подошва коричневых сапог позволяла передвигаться бесшумно. Затруднения вызвал ремень непонятной конструкции. Вера недоуменно вертела его в руках, когда в комнату, постучав, вошел в дорожной одежде Ори. Оглядел Веру, и, покачав головой, взял ремень. Широкое основание застегнул на талии Веры металлической пряжкой. Кожаную полосу со спины перекинул через левое плечо, и застегнул на широком основании пояса. Потом, подойдя к стене, снял меч в узорных ножнах и пристегнул к её ремню с левой стороны. Четыре метательных ножа закрепил в ячейках на грудной перевязи. Лук и колчан со стрелами Ори сгреб в охапку, и вышел из комнаты вслед за Верой.

На конюшне Ирве уже оседлал коней – гнедого для Ори, и Крепыша для Веры. Ори рассовал по седельным сумкам оружие.

Прощание было коротким и сдержанным. Айна, пряча покрасневшие глаза, коснулась губами Вериных щек. Ирве, не произнося ни слова, сжал её ладони своими теплыми руками. Остальные домочадцы просто подняли руки в прощальном жесте.

Вера покорно взобралась в седло, понимая, что эта поездка – не просто прогулка по окрестностям тана. Неспешным шагом добрались они с Ори до ворот, и Вера заметила, что попадавшиеся им навстречу односельчане смотрели на них с настороженно, а некоторые со страхом. Выехав за ворота, пустили коней скорым шагом по дороге к лесу, и вскоре Гленартан скрылся за стволами деревьев. Лес был стар, сквозь густые кроны почти не проникали солнечные лучи, и у подножья деревьев царил сырой полумрак. Копыта коней шуршали по опавшей листве. Ехали молча. Вера целиком сосредоточилась на том, чтобы не сбиться с ритма и не свалиться с лошади. После нескольких часов езды быстрым шагом впереди обозначился просвет.

Вынырнув из леса, путники оказались у подножия невысокого пологого холма, на вершине которого стояло выветрившееся каменное изваяние мадвур. Обогнув холм, Ори направил коней быстрой рысью на восток.

До полудня остановились на привал на берегу озерца, заросшего кувшинками и обрамленного березовой рощей. Дав лошадям как следует отдохнуть, продолжили путь. К заходу солнца добрались до леса, на опушке которого примостилось деревянное строение. Ори спешился, открыл незапертую дверь, заглянул внутрь.

– Приехали. Слезай с коня, ночуем здесь.

– Что это? – Вера опасливо огляделась. Вокруг было пустынно, в листве пищали птицы да легкий ветерок шуршал в кронах деревьев.

– Подорожник, – ответил Ори, снимая седельные сумки и заноса их в дом.

Спрыгнув с коня, Вера расседлала его и пустила пастись. Войдя в дом, увидела что Ори разводит огонь в очаге. Готовые поленья были сложены тут же.

– А кто здесь живет?

– Никто. Это для всех, кого ночь застала в пути. Главное – дров оставить для других путников, и, если есть, провизии какой. Тут за домом родник, принеси воды.

С этими словами Ори передал Вере деревянную бадью. Вымыв и наполнил водой котелок, повесил его над огнем.

– Сваришь кашу, продукты в сумках. Крупу и соль, что останется, повесь сюда, – он указал на вбитый в потолок крюк, – а я пойду дров нарублю.

Ори взял стоявший в углу у входа топор, сдул с него паутину, и вышел. Вера с любопытством осмотрела подорожник – сруб с одним окном, три выдавшие виды лавки и стол с отметинами ножей на досках. Подивившись доброму обычаю, занялась кашей. Поужинав при свете очага, путники завернулись в плащи и улеглись на лавках. Утомленная долгим конным переходом, Вера мгновенно заснула.

Ей приснился дом. Не в Гленартане. Родной дом. И мать, стоявшая на дороге и смотревшая на неё, на Веру, уходящую прочь по черной дороге. В том направлении, куда шла Вера, она различила другую женщину – миниатюрную, рыжеволосую и зеленоглазую. Она улыбалась и манила к себе. Вера повернулась, намереваясь вернуться домой. Но внезапно твердая дорога просела под ногами, и её стало затягивать в колыхающуюся вязкую массу. «Ма-ама!» – в ужасе закричала Вера, протягивая руки к матери. Но та лишь безучастно и невидяще смотрела на дорогу. Неожиданно Веру подняло из трясины, и она увидела рядом зеленые глаза чужой женщины. Незнакомка взяла её за руку, и они полетели на восход. Восходящее солнце слепило глаза. Внизу проплыли горы, за ними начался бесконечный лес. Небо наверху потемнело и покрылось звездами. Восемь зеленых звезд слетели в руки рыжеволосой, и она, взяв Веру за руку, пересыпала в её ладонь эти звезды. Взглянув вниз, Вера увидела в лесном море горные вершины, широким кольцом проступающие сквозь плотный туман. Вера почувствовала прикосновение женщины к руке, и, повинувшись ему, рассыпала звезды над туманом. Прожигая его холодный и сырой сумрак, звезды упали вниз, и, вспыхнув далеко внизу, мгновенно рассеяли туман. Под собой Вера увидела город, свой дом, черную дорогу, и на ней мать. Бросившись с высоты вниз, она опустилась перед самым порогом, и кинулась в объятия матери.

Разбудил Веру встревоженный голос Ори и прикосновение его рук.

– Вайра. Вайра!

Разлепив мокрые веки, она различила в ночной мгле силуэт Ори, склонившийся над ней.

– Что-то случилось?

– Ты кричала во сне. Звала мать. Я испугался, что у тебя приступ. А Баэлира здесь нет.

– Все в порядке, – Вера потерла глаза, ощутив на ресницах влагу, – просто сон. Мать приснилась. Я скучаю по ней, хочу вернуться домой.

– Скучаешь? – Ори сел на лавку в ногах у Веры. – Ты только прошлым утром попрощалась с Айной.

– Я говорю не про неё.

– Иррентхине? – удивился Ори. – За все прошедшие годы я ни разу не слышал, чтобы ты о ней скучала. Расскажи, что за сон?

Вера спохватилась, поняв, что сболтнула лишнего. Помявшись, она ответила.

– Просто сон... я хотела вернуться домой, но не могла. Потом полетела... на восход, помню, как солнце слепило глаза, и рыжая женщина летела рядом. Внизу были горы, потом лес. Долгий лес. Потом холодный туман. Он рассеялся, а внизу подо мной... город.

– На восход..., – задумчиво повторил Ори. Потом поднялся, поправил плащ, которым укрывалась Вера. – Спи. День в пути предстоит. Спи.

Оставив с рассветом гостеприимную избушку, путники продолжили путь. К вечеру добрались до города, раскинувшегося на равнине в слиянии двух рек. Вне крепостной стены бесстрашно разрослось мастеровыми дворами, лавками и базарами предместье.

– Ранготан, – протянув вперед руку, сказал Ори.

Мощная крепостная стена из двойного кольца толстых заостренных бревен защищала Ранготан. Она казалась выше из-за глубокого рва, дно которого было утыкано обожженными кольями. Проезжая в широкие ворота, Вера увидела в промежутке между стенами перекидные мостки. С их высоты за путниками, въезжающими в тан, наблюдала стража. На массивных воротах Ранготана был вырезан зубр.

– Впечатляет? – Ори взглянул на Веру, с интересом осматривающуюся по сторонам.

– Да, – кивнула она.

Ори протянул подошедшему воину подорожную – металлическую пластинку с изображением мадура. Тот кивнул Ори, внимательно посмотрел на Веру, махнул рукой.

– Проезжайте.

От ворот к центру Ранготана вела одна неширокая улица. Внутри город был поделен на дворы, обнесенные частоколами. То и дело из-за заборов раздавался предупреждающий собачий лай. Лошади пылили по твердой, утоптанной земле. Края улицы были вымощены досками. Попадавшие навстречу горожане посматривали на Веру с интересом. Вскоре на пути возникла еще одна крепостная стена, отделяющая внутренний город от внешнего. В отличие от внешней стены, у этой имелись башни. За воротами им снова пришлось предъявить подорожную. Пока Ори разговаривал с ратниками, Вера рассматривала внутреннюю крепость. Здесь не было огороженных частных дворов, пространство между постройками было свободным. В одно из строений сгружали с повозок тяжелые мешки, из другого доносился звон и перестук молотков. В ворота мимо Ори и Веры, отстраняя с дороги встречных, быстрым шагом прошли шесть мечников. По царящей вокруг людской суете и по разговорам Вера поняла, что в этой части расположены хозяйственные службы и управа тана.

– Вайра, – окликнул её Ори, и, ведя коня в поводу, направился в сторону высокого дома с каменным цоколем и широким крыльцом. Привязав коней к коновязи рядом с другими лошадьми, Ори и Вера поднялись в дом. В широких сенях им навстречу шагнул караульный.

– Кто такие?

Ори подал подорожный знак.

– Мы из Гленартана. Я Ори Гленар. Это моя дочь. Дома ли танед?

– Дома, – ответил страж, возвращая Ори пластину. – Занят покуда, посетители у него. Ждите, коли охота. Вон, на лавках можно отдохнуть.

Ори кивнул. Сев на скамье, он вытянул ноги, облокотился на стену, и прикрыл глаза. Но его взгляд из-под опущенных век то и дело посверкивал на караульного. Вера подошла к окошку, глядя во двор. Долго ждать им не пришлось. Отворилась дверь и в сени вышли четверо мужчин. Ори поднялся, моргнув Вере, подзывая её.

– Я надеюсь, наши доводы вполне разумны. И помогут вам принять решение, которое будет на пользу вашему народу.

Голос принадлежал человеку, одетому не по здешнему обычаю – в высокие сапоги, узкие штаны и длинный черный кафтан. Оружия при нем не было.

– Мы обсудим ваши доводы, – ответил ему седобородый довгар с морщинистым хмурым лицом. Потом повернулся к идущему одесную молодому воину.

– Проводи гостей на постоялый двор, Ронан. Проследи, чтобы они ни в чем не нуждались, и снаряди их в обратную дорогу.

Человек в черном остановился и развернулся лицом к старому довгару. В его взгляде Вера, исподтишка наблюдающая за разговором, прочла досаду и раздражение. Поклон гостя, в противовес взгляду, был вежлив и почтителен. Его спутник в длинной серой хламиде с капюшоном, словно почувствовав взгляд Веры, оглянулся туда, где стояли она и Ори. Недолгий взгляд серого заставил брови Ори предупреждающе сойтись на переносице. Вере почудилась усмешка на губах, укрытых тенью капюшона. Седовласый довгар коротко ответил на прощальный поклон. В сопровождении Ронана гости покинули дом. Пока не затихли их шаги

на крыльце, старый воин стоял, хмуро глядя на закрытую дверь. Как только стих стук копыт, он бросил взгляд в сторону Ори и Веры. И тут же его лицо посветлело, морщины разгладились, а взгляд вспыхнул радостью.

– Ори! Ори Гленар! – седоусый довгар быстро подошел к ним и крепко обнял танеда.

– Мир твоему тану, Глов Рангон, – улыбнулся Ори, отвечая на приветствие.

– И всей Довогории властью Валкуна, – ответил тот. – Заходи, танед, заходи. Давно я тебя не видел. Я смотрю, ты не один. Неужто дочь?

– Она самая, – улыбнулся Ори, оглянувшись на Веру и подозвал её. – Вайра, иди сюда, поздоровайся.

Вера подошла.

– Надо же, как выросла, – Глов взял её протянутые ладони и с улыбкой оглядел девушку. – Когда я видел тебя в последний раз, ты была эдаким маленьким шустрым котенком. Из красноволосой бестии выросла настоящая красавица. Да, второй такой в Довогории точно не сыскать. От сватов, небось, отбою нет, а, Ори?

– Какие сваты, Глов, – со смешком ответил Ори. – С её-то характером? Вся в своего отца.

– Ладно, ладно. Строн хороший был человек. Но вот сватов-то я к тебе засылать от своего Ронана буду, если что! Тогда и посмотрим, что за характер. Как, девушка, пойдешь замуж за моего внука? – подмигнул Глов Вере.

– Если только он похож на своего деда, – не растерялась Вера, понимая, что это лишь шутка.

Мужчины рассмеялись.

– Хорошую дочь воспитал, Ори. Ну, хватит на пороге стоять, идемте, – обняв гостей за плечи, старый танед повел их через сени. – Хоть порадуюсь от души. А то всё больше огорчаться приходится.

– Ты об этих? – Ори посмотрел в сторону, куда удалились недавние посетители. – Кто такие?

– А, – Глов скривился, словно от зубной боли. – Послы от Магистерской Унии.

– Что, еще не отстали?

– Какое там. Мало того, что вмешиваются в наши дела, теперь еще из Довогории свою провинцию сделать хотят. По всем танам расползлись, словно ужи, шипят-уговаривают. У тебя еще не были? Значит, скоро жди. Рогри и Бадегри прибрали, теперь за нас взялись. Уже, наверное, и наместника подобрали.

– Ну, думаю, у нас это так просто не пройдет. Довогория – свободная земля, – Ори развернул плечи и нахмурился. – Каждый танед сам себе голова! Вот ты, Глов, разве позволишь, чтобы какой-то чужак тебе на шею сел?

– Пока в Ранготане у власти я – так оно и будет, – вздохнул Глов. – Но я уже стар, и кто знает, как повернется дело после меня. Довгары сильны, когда вместе, тан к тану. Последняя война с Варгхорном – прекрасный аргумент в пользу присоединения Довогории к Унии. Серые обещают свою помощь в конфликтах с варнингами. И среди довгарских танедов немало тех, кто уже сейчас готов над нашими стягами развернуть магистерские знамена. Так что это лишь вопрос времени. Цивилизацию, говорят, нам принесут. А, как? Цивилизацию. По-ихнему, выходит – жить на собственной земле с их разрешения и по их законам.

– Помощь, говоришь? Цивилизация? Варгхорн уже давно ходит под серой тенью. Однако что-то особых изменений у них не видно. Как голодали вёснами, как изводили нас своими налетами, так и продолжают.

– В этом и суть, Ори, – вздохнул Глов. – Уния хочет вынудить нас просить о помощи. Берет измором. Помнишь, после того, как соседняя Рогри стала провинцией, мы остались без яшмы и олова? Слава Валкуну и щедрости его, земли наши велики и изобильны. Под Карно-

таном идет добыча камня, и торговля налажена. Немного, но для наших нужд хватает. Однако, друг мой, всему бывает предел.

– Обложили, значит, со всех сторон, – покачал головой Ори. – Если надо, мы будем драться! Пусть решает железо!

– Драться, – хмыкнул Глов. – Железом здесь ничего не решишь. Каждый танед сам себе голова, говоришь ты. А получается, что единой головы-то у Довогории и нет! Нет, Ори, эта битва уже давно идет. И исход её меня удручает. Да ладно уж, хватит об этом. Что привело тебя в Ранготан?

– Она, – Ори кивком головы указал на дочь. – Нам нужен твой совет и помощь, Глов.

Старый танед распахнул двери в просторный зал, пропуская гостей вперед.

– Все что понадобится, друг мой. Где вы остановились?

– Пока еще нигде. Я хотел сразу с тобой увидеться.

– Это правильно. Оставайтесь у меня. Семья будет рада.

– Да, хорошо нас по весне потрепали, – выслушав рассказ Ори, мрачно подвел итог Глов. – Мои две сотни на переднем фронте сражались, четверть от всего числа к Нейне в обитель отправилась. Что на флангах творилось, тоже знаю. Твои люди на правом стояли?

Ори кивнул. Помолчали. За окнами густела ночная темнота, разгоняемая в обеденном зале масляными светильниками. Со стола уже убрали остатки ужина, старшая сноха танеда увела уставшую Веру спать, многочисленные домочадцы главы Ранготана тоже покинули зал. В зале остались Глов и Ори.

– Жаль девочку, – покачал головой Глов. – Но, по-моему, не так уж это страшно, главное – жива. Шрам её почти не портит, и не с такими изъянами девки замуж выходят. А память... память – вернется. Со временем. Время – лучший лекарь.

– Я это понимаю, – горячо согласился Ори. – Но Баэлир и слышать не хочет об отсрочке. Словно целью задался – со свету её сжить. Мадвур еще этот... Глов, будь за неё ходатаем перед верховным жрецом. Нет в ней зла и тьмы, она просто несчастный искалеченный ребенок. Вся беда-то её в том, что полукровка. На это и нападает Баэлир.

– Попросить я могу, – отозвался Глов, – и попрошу. Но сам понимаешь: с богами спорить – у меня власть не та.

– Не с богами, Глов. Со жрецами.

– Это одно и то же. Не для нас, так для простого люда. Скажи тот же Баэлир, что ты – вместилище зла и орудие Неназываемого, и будешь ты уже не танед, а топливо для очищающего священного костра.

– Выходит, нам их бояться надо? – удивился Ори. – Тогда какой же я танед, если в своем тане власти не имею?

– Бояться не надо, – ответил Глов, – а вот прислушиваться к ним, и под свою руку осторожно брать и направлять – это можно. Боги далеко, а воля их от жрецов исходит. А кто жрецам слова в уста вкладывает – об этом подумать надо. Я давненько мыслить стал – слишком много воли богодуховным людям дали.

– Урезать хочешь?

Глов прищурился, многозначительно усмехнувшись.

– Ограничить. Их дело – народ лечить, обычаем учить, волю богов озвучивать, но только так, чтобы на сплочение силы шли, а не на рознь меж людьми. Люди все пред богами и меж собой равны. Ты обмолвился – полукровка дочь твоя. Кто об этом задумывался, пока Баэлир не сказал? Если дальше так пойдет, даже представить страшно, куда это заведет Довогорию. Так и до рабства, которое во всей своей мерзости в Уроссе процветает, недалеко.

Ори задумался. В словах Глова было зерно истины. Не помнил Ори, чтобы раньше в Гленартане так травили односельчан, как сейчас его дочь. Чтобы вносился разлад в семьи, и дети перечили старшим.

– Я понял тебя, Глов. Об этом я буду думать. Но позже. Сейчас главное – Вайра. Завтра мы наведаемся в святилище. Ты с нами?

Глов утвердительно кивнул.

Святилище располагалось за внутренней крепостью Ранготана, на каменистом речном мысе. На скалистом взгорке, обнесенном оградой из заостренных бревен, высился деревянный терем. Через равные промежутки в ограде стояли идолы богов, вытесанные из цельных бревен, и рассветное солнце кровавило их бесстрастные лики. На воротных столбах друг над другом были вырезаны изображения двенадцати священных танок. Проходя в ворота, Вера успела разглядеть мадвура, зубра, кабана и волка. Во дворе дымились благовониями каменные чаши на железных треножниках. Вера, Ори и Глов поднялись по вытертым каменным ступеням к святилищу, остановились на крыльце в недолгой молитве. Глов толкнул дверь и вошел первым. В святилище было сумрачно – узкие окна под самой крышей пропускали слишком мало света. Вдоль бревенчатых стен, разгоня тени скупыми огоньками, чадили масляные светильники.

– Слава милосердному Валкуну и верхним богам, – произнес Глов.

Послышались легкие шаги, и на его голос из полумрака появился худой, возрастом под стать ранготанскому танеду, седобородый жрец. Опираясь на посох и щуря тусклые глаза, он рассмотрел посетителей, кивнул Глову.

– Здравствуй, танед, – голос, в противовес внешнему виду, у жреца был ясен и чист. – Не частый гость ты здесь. А я рад, рад, что пришел ты. В мирских делах не след о делах духовных забывать. На молитву пришел, или меня, старого, проведать? Ранее, бывало, подолгу мы с тобой говорили, и не в тягость было тебе ко мне идти. А сейчас за порогом живешь, а и носа в храм не кажешь.

– Прости, Гэллир, – склонился Глов, подставляя темя под благословляющую ладонь. – Сам знаешь, время моё такое – по мгновению людям роздано, для себя и нет ничего. А пришел я помощи просить.

Жрец со значением покачал головой.

– В одночасье богов вспоминаем, когда помощи боле ждать неоткуда. Молви уж.

– Друг мой, танед Гленартана, дочку привез. Больна она. Помоги, Гэллир, милостью Валкуна.

Жрец перевел взгляд на Ори, всматриваясь пронизательным взглядом в его лицо. Поднял руку, и Ори послушно склонил голову под благословение.

– Здравствуй и ты, танед. А что же тамошний жрец? Неужто его сил не достало?

– Видать, не достало, – чувствуя на голове тяжесть горячей сухой руки, ответил Ори. – Да и не хочет он. Пустое говорит, будто дочь моя, которую я с младенчества знаю – под властью Неназываемого, и отметина Темного Лангора на лице её. Испытанием священным железом грозит.

Гэллир сдернул руку с головы Ори, отступил на шаг и устремил взгляд на Веру. Потом протянул к ней руку. Та стояла, открыто разглядывая жреца в ответ. Жрец чуть заметно усмехнулся.

– Али и головы не преклонишь?

Вера спохватилась, и по примеру мужчин склонилась под руку старика. Он положил руку ей на макушку, и обратился к Ори.

– И давно ему это мнится?

– С того дня, как она очнулась.

– После ранения?

– Да, – Ори удивленно воззрился на старика. – Как...

– Шрам свеж. А битва по весне была, – предупредил его вопрос жрец.

Вера устала стоять, согнувшись. Она сделала попытку выпрямиться, но Гэллир прижал ладонь к её голове, не давая подняться.

– Много кто ранен был в битве той. И шрамы у многих остались. Так почему же Баэлир её лишь в слуги Неназываемого прочит? Отвечай, танед. Лукавить нужды нет – боги ложь распознают.

Поколебавшись, Ори отвел глаза.

– Очнувшись, она никого не узнала. Не помнит ничего и никого. И говорила на чужом языке. Но, возможно, это был язык её родной матери! – спохватившись, быстро добавил он. – А память может вернуться через какое-то время.

Жрец опустил руку, и Вера, наконец, смогла разогнуть спину. От старика не ускользнул её досадливый взгляд, и он снова едва заметно усмехнулся в усы.

– Идем, дитя, – поманил он Веру, и, повернувшись, направился вглубь святилища. – А вы здесь ждите.

Она оглянулась на Ори и Глова. Те ободряюще кивнули ей, и Вера последовала за стариком. Он привел её в маленькую каморку в глубине храма. Указал на стоявший там топчан. Сам отошел к столу, и, постукивая посудой, произнес.

– Садись. Давай поговорим. Как звать тебя?

– Вайра, – ответила она, садясь.

– Откуда ты?

– Из Гленартана, – понимая, что старик начал допрос, Вера тщательно обдумывала ответы.

– А лет тебе сколько?

– Двадцать.

– Кто тот второй, который с тобой?

– Мой приемный отец. Его зовут Ори.

– Хорошо, – старик повернулся, улыбнулся ей, и подал каменную плошку, в которой густо дымились какие-то коренья и листья. – Подержи это, пока говорить будем.

Вера, помедлив, приняла протянутую ей миску. Дым вился и расплзался, заполняя пространство каморки. Сквозь ускользящее осознание бытия Вера услышала вопрос.

– Как имя твоё?

Язык повиновался с трудом.

– Ве... Вайра.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать один.

– Откуда ты?

Когда она пришла в себя, каморка была пуста. На столе, исходя полупрозрачной тонкой струйкой дыма, дотлеvalo в плошке зелье. Заполнявший комнату дым рассеялся, выветрившись через высокое окошко. Веру прошиб холодный пот, когда она поняла, что произошло. Одурманенная дымом, она рассказала жрецу про себя. Что с ней сделают теперь, можно было только гадать. Устремившись к двери, она подергала её, но та была закрыта. Приникнув ухом к двери, Вера попыталась вслушаться в то, что происходит снаружи. Доска была слишком толста, чтобы расслышать сквозь неё хоть что-то.

А тем временем в святилище Гэллир пытался убедить Ори в том, о чем тот и слышать не хотел. Как только жрец вышел в зал, вынося за собой клубы ароматного дыма, Ори и Глов бросились к нему.

– Что с моей дочерью? Она поправится?

Голос Ори был полон надежды. Гэллир коротко взглянул на него, и обратил взгляд мимо.

– Она не дочь тебе, танед.

– Да, она не родная мне. Но, все же, дочь.

– Она тебе никто, чужая, – жестко отрезал Гэллир. – Напрасно ты приехал сюда. Баэлир – мудрый жрец. Он правду тебе сказал. Она чужая. Пришлица из темного мира.

Оглушенный таким поворотом Ори не смел поверить словам жреца.

– С чего ты взял?

– Она рассказала сама мне. Рассказала как летела по небу, и упала. И дабы выжить, забрала тело твоей дочери. Испытание священным железом не нужно. В очищающее пламя Валкуна ей путь, – повторил Гэллир слова Баэлира.

Ори в ярости бросился на жреца. Но тот, словно предвидя это, ловко увернулся от рук танеда, и легонько ударил по ним посохом. Руки Ори онемели и он, потеряв способность управлять ими, свалился к ногам жреца. Глов кинулся на помощь другу, пытаясь поднять его.

– Отдай дочь! – прохрипел Ори. Но Гэллир отрицательно покачал головой.

– Твоя дочь погибла в той битве. А тому, кто сейчас носит её обличье, в очищающее пламя Валкуна путь. Уходи отсюда. Или последуешь за ней.

Глову удалось, наконец, поднять с пола полупарализованного Ори, и он потащил его к выходу из святилища.

– Отдай дочь! – бесновался Ори в его руках. – Старый дурак, шут ряженный! Отдай мне дочь!

Гэллир спокойно смотрел вслед удаляющимся мужчинам. Сведя Ори по ступеням на храмовый двор, Глов вывел его за ворота, и потянул по дороге к дому. Попадающиеся навстречу горожане с недоумением смотрели на танеда, который волок на себе неустойчивого, исступленно рычащего незнакомого довгара. Они повернули за угол, и Ори внезапно затих, повернув голову, и уставившись на идущих по улице людей.

– Баэлир, – выдохнул он.

– Что? – переспросил Глов, удивленный переменой в поведении друга.

– Я видел Баэлира, – пристально вглядываясь в спины людей, ответил Ори. – Только что, вон там. Как он успел сюда добраться?

Глов посмотрел в сторону, куда указал Ори. По направлению к святилищу, неся корзины с дарами для богов, шли люди – мужчины и женщины.

– Значит, он уже тут, – голос Ори похолодел. – Значит, вот кто оболгал Вайру перед верховным жрецом. А я еще удивился, откуда Гэллир про рану знает. Бедная моя девочка!

Ори горько усмехнулся, и Глов увидел страх в его глазах.

– Идем, – перехватив Ори поудобнее, Глов повлек его дальше.

Чувствительность в теле восстановилась у Ори лишь к вечеру. Весь день Глов пробыл подле него, успокаивая, как мог. А Ори то в ярости метался по комнате, то затихал, задумываясь о чем-то. Закат Ори встретил, глядя из окна на золотящиеся крыши соседних домов. Услышав за спиной шаги Глова, произнес тихо, но твердо.

– Я хочу забрать её. Мне нужна твоя помощь.

– Я помогу, – ответил с готовностью Глов. – Но её будут искать по всей Довогории. Куда ты её спрячешь?

– Я знаю, куда.

– Что ты задумал?

Ори взглянул на друга в раздумье.

– В ночь перед приездом сюда Вайра видела сон. Видела в нем свою мать.

– Ирнентхине?

– Да. Я не придавал значения этому сну. И, как выяснилось, зря. Но я только что понял его суть. Она хотела предупредить Вайру. Сказать, что ей не нужно сюда ехать. Вайре нужно на восток.

– На восток? – удивленно переспросил Глов. – Куда на восток?

Ори помолчал, устремив невидящий взгляд за окно. Потом начал тихо говорить.

– Когда Строн был жив, он рассказывал мне одну историю. Он узнал её от Ирнентхине. Легенду о древнем храме нимхов. О первом храме, построенном ими в тайном месте тысяче-летия назад. Там живут хранители, нимхийские мудрецы. Ирнентхине, сбежав из дома вместе со своими земляками, шла именно туда. Но так и не добралась. Она рассказывала, что хранители этого древнего храма – сильнейшие чародеи. Что они могут заставить повиноваться даже мертвых и распоряжаться душами живых. Она не говорила, с какой целью они направлялись туда. Да теперь это уже и неважно. Вайра – наполовину нимхийка. Может быть, чародеи её народа вернут ей память и излечат душу? Народ её матери очень древний, и вряд ли эта легенда – выдумка. А сон, который Вайра видела – тому подтверждение. Мы пойдем туда. Я не отдам её ни Баэлиру, ни Гэллиру, ни самому Валкуну вместе с Неназываемым. Она излечится, и тогда ни Баэлир, ни Гэллир не скажут, что она под властью Лангора. И все встанет на свои места, как раньше.

Глов потрясенно выслушал Ори.

– Ты уверен в правильности такого решения? Земли на востоке обширны и необитаемы. Как же ты найдешь это место?

– По приметам, о которых упоминала мать Вайры.

– Это опасно, Ори. Если кроме как на чародеев у тебя больше нет надежды, может, стоит отправиться не на восток, а на запад? В Унию?

– Я не подпущу к Вайре ни одного серого! – возмутился Ори. – Быть обязанным им на всю оставшуюся жизнь? Кто знает, что они потребую взамен? Нет, только на восток.

Глов, поняв, что переубеждать Ори бесполезно, ответил:

– Я слишком стар для таких дел. Отправлю с тобой Ронана. Заберешь дочь, и уходите.

Ори медленно ехал по сумеречным улицам Ранготана в сопровождении Ронана. Крепыш с пустым седлом покорно шел на привязи. Выехав за ворота во внешний город, Ори оглянулся назад. И увидел Баэлира. Тот стоял посередине дороги и смотрел им вслед. Остановив коня, Ори взгляделся в лицо жреца. Баэлир был хмур, и Ори не увидел в его глазах ни торжества, ни довольства. Жрец сделал несколько шагов, намереваясь подойти, и уже открыл рот, чтобы заговорить. Но танед, отвернувшись, подхлестнул коня. Баэлир так и остался стоять, глядя в спину удаляющимся всадникам.

Покинув Ранготан, Ронан направил коня к реке. Привязав коней к кустам раkitника, что в изобилии рос на берегу, они столкнули на воду лодку. Гребли осторожно, стараясь не плескать веслами по воде. На фоне неба тень святилища щетинилась пиками бревен. В верхней части дома в узком окне слабо мерцал свет. Ори дотронулся до руки Ронана, указав ему на оконный проем. Юноша молча кивнул и развернул лодку к берегу. Они причалили на каменистом берегу под нависающим над рекой обрывом и бревенчатыми стенами святилища на нем. Ронан взял со дна лодки моток веревки и передал Ори. Тот прикрепил один конец к стреле, и, тщательно прицелившись, выстрелил. Стрела рванулась к окну, унося за собой веревочный хвост, и исчезла в светлом прямоугольнике.

– Ждем, – прошептал Ори, опуская лук, и напряженно всматриваясь туда, куда ушла стрела.

Вера, измученная неизвестностью и голодом, мерила шагами келью. Пять шагов в одну сторону, пять в другую. С того момента, как она очнулась, никто не зашел к ней. Никто не отозвался из-за двери, хотя она периодически принималась колотить в дверь и кричать. Иногда слышались голоса с другой стороны, но, едва Вера бросалась к двери и начинала звать, все затихало. Попытка сломать дверь провалилась – толстая тяжелая створка даже не дрогнула под её ударами. Расставленные на столе чаши и миски Вера с мстительным удовольствием расколотила о дверь. На дне деревянной бадейки, что стояла в углу, обнаружилась вода. Её

после долгих раздумий и нескольких осторожных проб Вера выпила. Бадью использовала для отправления естественных нужд, чем и осталась вполне удовлетворена.

Мысль о побеге через окно казалась ей осуществимой, пока она не попыталась передвинуть под него стол. И стол, и топчан оказались прибиты к полу. А добраться до окна без какой-либо подставки было нереально. Она немного подремала, вполуха прислушиваясь в надежде, что кто-нибудь нарушит её малопонятное и пугающее заключение. Немного поплакала, потом приказала себе успокоиться. Рано или поздно, но сюда должны были придти. Для чего – уже другой вопрос. Она пообещала себе, что при наихудшем варианте развития событий постарается не за дешево продать свою жизнь.

Масляный светильник чадил, но горел, давая минимум дрожащего света в сумеречной каморке. Прямоугольник окна темнел по мере того, как затухал снаружи день. Вера присела на топчан, подобрала ноги и, обняв колени, склонила на них голову. Едва слышно в окно доносился далекий брех собак и плеск речных волн. Внезапный негромкий стук заставил её вздрогнуть. Вера с недоверчивым удивлением воззрилась на стрелу, повисшую на веревке в проеме окна. Отбросив сомнения, она вскочила, схватив стрелу. Обвязала веревкой ножку стола, подергала её, проверяя, и стала взбираться наверх. Бревенчатые стены стали хорошей опорой, и Вера быстро добралась до окна. Она сунула голову и плечи в узкий проем, удостоверившись в том, что сможет протиснуться. Бросив взгляд вниз, Вера обомлела от высоты, с которой ей предстояло спуститься, и крепче стиснула пальцами веревку. На берегу под обрывом она различила два человеческих силуэта и тень лодки на воде. Выкарабкавшись из окна, Вера спустилась по веревке, и оказалась в руках Ори. Тот обнял её, приложив ладонь к губам, и быстро отвел к лодке. Вера увидела на веслах Ронана и кивнула ему с благодарной улыбкой. Ори оттолкнул лодку от берега, запрыгнул в неё и махнул юноше, – «Быстро уходим». Ронан греб, а Ори, сидя вполоборота с луком наизготовку, слушал ночь и всматривался в береговые тени

Лишь когда они ступили на берег среди ракитовых зарослей, Ори подал голос.

– Как ты? – тихий голос был полон тревоги.

– Теперь хорошо, – так же шепотом ответила Вера. – А что произошло?

– Потом объясню. Надо убираться отсюда. Ронан!

Юноша подошел, и Ори крепко его обнял.

– Спасибо, Ронан! Пусть боги будут к тебе благосклонны. Мой тан – твой тан. Деда благодаря от меня. Я ваш должник. Прощай! Вайра, едем.

Вера, в свою очередь, тоже обняла и поцеловала Ронана, прошептав:

– Спасибо!

Она и Ори вскочили на коней, и, в последний раз махнув юноше, исчезли в ночной мгле. Пустив коней быстрой рысью, а на равнинах переходя в галоп, нигде не останавливаясь, за ночь они преодолели расстояние до придорожной избушки. Вера, буквально свалившись с седла, предвкушала отдых после суточного бодрствования. Но Ори, тревожно поглядывая на восходящее солнце, жестко распорядился:

– На отдых – час. Кони устали. Можешь подремать, пока я их напою. Еда в сумках, огонь разводить не будем.

Вера с сожалением вздохнула, вытащила из седельной сумки хлеб. Запивая водой из родника, поела, не забыв скормить горбушку Крепышу. Войдя в дом, повалилась на лавку и отключилась. Через мгновение требовательный голос Ори и крепкий хлопок ладонью по спине заставил её подняться. Умывшись холодной водой, чтобы взбодриться, Вера взобралась в седло, и снова началась стремительная скачка.

Из леса, что рос вблизи Гленартана, выехали после полудня. Ори придержал коня на границе леса.

– В тан тебе нельзя. Я поеду туда один. Вернись в лес, езжай по дороге до вырубки. Там поверни направо. Укроешься в овраге, огня не разводи. Я приду туда, как все устрою.

– Что устроишь? Что вообще происходит? Почему мне нельзя в тан? – ошарашенная словами Ори, Вера набросилась на него с расспросами.

– За нами может быть погоня. Поэтому тебя в тане видеть не должны. Я найду тебя в условленном месте.

– Какая погоня? Кто?

– Жрецы. Если тебя найдут...если найдут...

– То что?

– Ничего. Езжай!

Ори развернул коня в сторону тана.

– Что, если найдут? Скажи! – Вера подъехала, удержав его за плечо. – Что тогда?

– На костер!!! – взорвался Ори. – Они отправят тебя на костер!!! В очищающее пламя Валкуна!

Он в сердцах ударил коня, и тот прыснул к тану. Вера в ошеломлении смотрела вслед удаляющемуся довгару. Потом, оглядевшись, осторожно отступила вглубь, под прикрытие лесного полога.

Ирве стоял, с дозорной вышки глядя на темную стену леса. Он не смог убедить отца в необходимости поехать с ними, и теперь терзался сомнениями, правильно ли он сделал, что не поехал вслед тайно. Отец оставил его вместо себя старшим в тане. Сердце Ирве разрывалось между долгом и чувствами. Путь, предстоящий отцу и сестре, не был известен никому. Была лишь древняя легенда, рассказанная нимхийской беглянкой много лет назад. Ирве припомнил торопливый разговор с отцом, так внезапно появившимся в тане. От осознания того, что случилось в Ранготане, и от решения, принятого верховным жрецом, Айна и Ирве пришли в ужас. А Ори на вопрос, где же дочь, ответил.

– Вайра ждет меня в лесу. Мы отправимся в путь вдвоем.

Айна, собирающая провизию, оторопело посмотрела на Ори, и, поняв, что он твердо принял решение, просяще произнесла:

– Возьми дружинников! Как вы собираетесь добираться до восточных земель? Вы пойдете через земли варнингов, ты не сможешь один отбиться от них, а Вайра не в состоянии держать оружие и защитить себя! Варнинги еще не оправались от последнего набега, и вряд ли рискнут нападать в ближайшее время. Для тана временное отсутствие десятка воинов не будет опасным, а ваш путь будет надежней!

– Нет! Никто не должен знать, где мы. И к тому же, нельзя оставлять тан без защиты. Десять наших воинов стоят сорока варнингов. Мы потеряли слишком много сил в последнем сражении, противник прекрасно это знает и может использовать в любой момент. Нам двоим будет проще пройти там, где отряд потерпит неудачу. К тому же еще неизвестно, как воспримут хранители храма появление вооруженного отряда. Я принял решение, и менять его не буду.

Ирве посмотрел отцу в глаза и сказал:

– Позволь мне пойти с вами. Я прошу тебя как сын, позволь мне сопровождать вас!

– Я понимаю и твоё желание, и твои мотивы, но ты будешь нужнее здесь. Я оставляю тебя главой тана вместо себя, от тебя зависит безопасность наших людей. Это тяжелое бремя – ответственность за весь тан, но ты мой сын, и тебе я доверяю. А теперь помоги мне собраться в дорогу.

И вот теперь Ирве стоял на помосте, вглядываясь в ночной сумрак, и в сотый раз мысленно повторял заговор на легкий путь.

Глава 5

По дороге часто попадались конные патрули довгаров, но Ори предъявлял подорожную, и их пропускали. Ни в одном городе или поселке не задерживались надолго, только пополняли запасы провизии в тамошних лавках. Ехали днём, на ночлег располагались, когда солнце начало клониться к закату. Ночевали там, где застала их ночь – в перелесках, у подножия холмов, но ни разу – в поселении. Ори объяснил, что чем меньше людей видит их, тем лучше. На привалах, поев и отдохнув, Вера осваивала оружие. После тренировок, уставшая, с синяками на теле, она падала на жесткое ложе, укрывалась плотным шерстяным плащом и засыпала без снов. А с восходом солнца они продолжали свой путь.

Путь предстоял долгий, и Ори взялся учить дочь всеобщему языку. В прежнем бытии Вера не могла похвастать способностями к языкам, но, то ли перемещение в чужое тело сыграло свою роль, то ли подсознание на клеточном уровне услужливо извлекало из темных уголков мозга потерянные слова – обучение шло на удивление легко. Скоро она уже достаточно хорошо понимала речь, посредством которой общались между собой различные народы, населяющие просторы этого мира.

Через две недели пути Ори сообщил, что впереди владения варнингов, и, во избежании нежелательных встреч, они повернули на север, чтобы обойти опасные места. Земли степняков простирались вплоть до северных гор, и Ори решил перебраться через горные перевалы на противоположную сторону каменной гряды, пройти по ней до восточных пределов, и, снова перейдя горы, двинуться дальше на восход. Этот путь был более безопасным, хоть и занимал вдвое больше времени. В другое время можно было бы пройти по землям варнингов, заплатив и заручившись согласием их вождей, но не после последнего весеннего побоища. И путники двинулись по направлению к горам. Довгарские поселения остались далеко позади, а становища степных жителей находились чуть дальше к востоку. Открытые пространства с высокой, по пояс человека, травой, уже сухой и пожухлой, перемежались небольшими рощицами. Листья на деревьях начинали облетать, теплый сентябрь подходил к концу.

Несколько раз Ори и Вера видели вдалеке пограничные разъезды конников, но до поры до времени им удавалось избегать встречи с ними. Верино боевое крещение произошло на одной из стоянок. Они остановились под вечер в небольшом перелеске. Ори занялся лошадьми и устройством на ночлег, а Вера отправилась за дровами для костра. Собрав сушняк поблизости, и притащив небольшую охапку для разведения костра, она отправилась вглубь рощи с намерением набрать хвороста на всю ночь. Было ещё достаточно светло, и Вера, побродив под деревьями, свалила на небольшой прогалине найденные ею дрова, собираясь по частям перетащить всю кучу к костру. Ухватив в охапку первую партию, она медленно и осторожно, боясь наткнуться на какой-нибудь выступающий из земли корень, или угодить ногой в яму, направилась к костру. Именно неторопливая поступь и внимание, с которым она высматривала дорогу, позволили ей увидеть опасность до того, как её обнаружили.

Сквозь ветви было видно освещенное пространство у костра. Ори стоял лицом к тому месту, где притаилась Вера, закинув руки за голову. Перед ним, приставив к горлу посверкивающее лезвие и расставив ноги, замер невысокий коренастый воин. Но взор Ори был направлен не на стоящего перед ним человека, а куда-то в сторону, в глубину леса. Проследив его взгляд, Вера увидела шагах в двадцати от себя второго воина, притаившегося за кустом. Он напряженно наблюдал за происходящим у костра, и ждал. В сторону Веры он не смотрел. В руках у него был лук с наложенной на тетиву стрелой. Горло внезапно пересохло, и Вера с трудом сглотнула слюну. По спине от затылка потекла струйка пота. Вера ещё никогда никого не убивала, но теперь её жизнь и жизнь Ори зависела от того, сможет она это сделать, или нет.

«Думай!» – приказала она себе, стараясь пересилить страх и не побежать в глубину леса. На поясе висел меч, но чтобы его выхватить, надо было бросить хворост, который она сжимала в руках. К тому же, с такого расстояния тот лучник всадит в неё стрелу быстрее, чем она доберется до него. Надо было чем-то его отвлечь, и Вера дюйм за дюймом стала приближаться к притаившемуся человеку, стараясь двигаться неслышно. Тот был поглощен тем, что наблюдал за освещенной площадкой у костра, явно рассчитывая, что его жертва вот-вот появится там. Когда до стрелка осталось не более восьми шагов, Вера с криком ринулась на него, прикрываясь собранными ветками, как щитом. Тренькнула тетива, и стрела застряла в охапке хвороста. Вера швырнула ветки в лицо стрелка, и выхватила из ножен меч, замахиваясь. Рука, вопреки её собственным опасениям, не дрогнула, острое лезвие со свистом опустилось, преодолело встреченную на пути преграду из живой плоти, и застряло в ней. Вера, как в замедленном кино, увидела падающую на землю отрубленную кисть руки, которую воин вскинул в непроизвольном жесте, защищая лицо, и валящееся ей под ноги тело, разрубленное от шеи до груди. Вера судорожно дергала меч, стараясь вырвать его из тела, но он не поддавался. Её затрясло, она выпустила рукоять меча, и опустилась на землю. Взгляд её упал на одежду, забрызганную кровью. Подвывая и всхлипывая, она непослушными пальцами выдирала пучки травы и пыталась стереть следы крови с одежды, с рук. Мечущийся взгляд остановился на распростертом в луже крови теле. Спазмы скрутили желудок, и Веру вырвало.

Так, сидящую на траве и содрогающуюся от новых приступов рвоты и плача, и нашел её Ори. Кровавое зрелище не вызвало у него большого интереса. Он выдернул застрявший в мертвом теле меч, отер его о траву, и поднял Веру. Заботливо поддерживая её, помог дойти до стоянки. Вера глянула в сторону костра, и её снова согнуло в три погибели. Дымящееся, обгоревшее до пояса тело второго воина лежало на спине на догорающих поленьях. Из его горла торчал нож, который Ори носил за голенищем сапога. Дальнейшее отпечаталось в Вериной памяти кошмаром, еще долго преследовавшим её по ночам. Они вместе с Ори оттащили трупы в глубину рощи, и забросали их сушняком. Лошадок, на которых варнинги сюда добрались, Ори прогнал в степь. А затем полночи успокаивал Веру и отпаивал её водой, но не мог сдержать своего недоумения и удивления по поводу её реакции на происшедшее событие.

– Раньше ты не была такой щепетильной в отношении с врагами. Все-таки, ты стала странной, Вайра.

– Что странного в том, что мне страшно и неприятно убивать? – все еще дрожа, спросила она.

– Так устроен мир. Если не ты, то тебя. Ты молодец, а сегодняшний урок пойдет тебе на пользу. Постарайся поспать.

Утром, тщательно уничтожив следы своего пребывания в роще, Ори и Вера отправились дальше. Осторожно продвигаясь на север, на четвертый день они узрели вдали вздымающиеся в небо вершины.

– Подойдем к подножью, и можно будет сделать привал дня на два. Надо набраться сил перед тем, как лезть наверх, – Ори повернулся к Вере, вопросительно поглядев на неё. Та согласно кивнула, хотя до гор было ещё часов семь пути, а она изрядно устала от седла.

– Хорошо, Ори, я в порядке.

– Сколько тебе говорить, не называй меня Ори, словно чужая. Я ведь тебе вместо отца, вот и зови тятей, как раньше. И перестань меня дичиться.

Вера промолчала в ответ. Она с интересом слушала все, что ей рассказывал этот человек о своей дочери, об их семье и об этом мире вообще. Но о том, что с ней случилось, и о своей прежней жизни Вера не обмолвилась ни одним словом. Она предпочла, чтобы он считал её просто потерявшей память после тяжелого ранения. К тому же после того, как её едва не сожгли в Ранготане, словно ведьму. И назвать Ори отцом у неё язык не поворачивался. Пришпорив коня, Вера двинулась догонять своего спутника.

Уже совсем стемнело, и на небо высыпали звезды, когда они, наконец, добрались до намеченной цели. Вера развела огонь и, достав из седельных сумок припасы, принялась готовить нехитрый ужин. Ори натаскал сухой травы для постелей.

– Завтра осмотримся, поищем дорогу наверх. Не хотелось бы оставлять лошадей, они нам ещё очень сильно пригодятся. Здесь встречаются гмуры тропы, хорошо бы на такую наткнуться. Только желательно без самих гмуров на ней, здешние хозяева не любят незваных гостей.

– Скажи, Ор... отец, а где город нимхов? По твоим рассказам, он находится в северных горах. И почему ты не хочешь встречаться с гмурами? – Вера смотрела на мужчину сквозь пламя костра. Огонь, отсвечивая на белых волосах, красил их в тот же цвет, что и у нее.

– Город твоих родичей намного западнее, Вайра. А с гмурами я не хочу встречаться потому же, почему и с варнингами – они сначала бьют, а потом спрашивают. Дротик в спину или топором по затылку получить – это у них запросто. А еще могут обвал устроить, или посреди тропы яму вырыть.

Вера глядела на собеседника во все глаза, недоуменно подняв брови.

– Но почему все друг с другом воюют?! Неужели нельзя просто мирно жить? Всегда можно найти какие-то компромиссы и общие интересы, хотя бы ту же торговлю.

Ори расхохотался.

– Хорошенькие вопросы начинает задавать моя милая дочь! Насчет торговли ты, конечно, права. Когда-то так все и было. Все жили в мире, уважали обычаи соседей. Тем же варнингами мы не раз помогали, а с гмурами вообще были друзьями. Ты думаешь, откуда я дорогу через горные перевалы эти знаю? Мой дед, бывало, ещё молодым в гости к горным хозяевам хаживал, да и дальше на север. От него отец мой узнал, а от отца я – так в памяти и храним. Это недавно, лет пятьдесят назад, всё плохо стало. Словно взбесились все. Сначала делиться начали, за право пройти по своей земле плату брать, потом о старшинстве заговорили – какой народ раньше на земле появился. А потом и до оружия дело дошло. Так с тех пор и тянется. Ладно, давай-ка спать, завтра разберемся, что к чему.

Ори завернулся в плащ, улегся на нехитрую травяную постель и моментально заснул. Вера последовала его примеру, но сон, несмотря на огромную усталость, никак не приходил. Она лежала на охапке душистой травы, и смотрела на темный небосвод, усыпанный звездами. Дома Вера редко смотрела на небо, да и звезд с улиц, освещенных яркими фонарями и рекламой, было не видно. Костер понемногу догорал, но ночь была теплой, и она не стала подбрасывать дров.

Разбудил её солнечный свет. Резко сев на подстилке, Вера с испугом принялась осматриваться. Солнце стояло высоко в безоблачном небе. Возле стоянки бродили расседланные кони, выюки лежали на том же месте, куда вчера их сложил Ори. Самого его нигде не было видно. Затекшие за ночь мышцы ныли и требовали движения. Вера поднялась с импровизированной постели, потянулась, одновременно оглядывая местность, в которой они остановились. Их лагерь располагался у самого подножья высокой скалистой горы, поросшей невысоким редким кустарником, чудом пробившемся сквозь камни. Слева и справа к ней примыкали такие же, упирающиеся вершинами в небо горы, образуя каменную стену, протянувшуюся далеко на восток и запад, и препятствующую проникновению холодных северных ветров на здешние равнины.

– Проснулась? – Ори спустился со склона. Одной рукой он сжимал лук, другой придерживал на плече тушку убитого козленка,

– Не стал тебя будить, надо хорошо отдохнуть перед переходом. Я осмотрел склоны, здесь есть путь наверх, по которому можно пройти с лошадьми. Заодно подстрелил этого красавца. Давай-ка, поедим, а потом посмотрим, что ты усвоила за это время из моих уроков, – он сбросил тушу на землю.

Пока Ори разделявал козленка, Вера развела огонь и сходила за водой к недалекому источнику. Они основательно подкрепились жареным на углях мясом, и во время недолгого послеобеденного отдыха Ори, удобно привалившись спиной к нагретому солнцем большому камню, продолжил краткое описание знакомых ему земель и их обитателей.

– Про довгаров и варнингов ты уже знаешь. О гмурах не понаслышке знаю, в юности немало по горам с твоим отцом побродили. Живут они, как и нимхи, в горах. Сами себя огонами называют. Только нимхи селятся на верхних ярусах скал, любят солнце и обилие света. А гмуры предпочитают уходить в глубину гор, их пещеры простираются далеко вниз, к подземным рекам. Они отличные кузнецы и оружейники. Никто так не чувствует горы, как гмуры. Грубые, подозрительны, невыдержанные, но честные.

К югу от наших границ, на побережье Южного Моря, обитают морлинны. Это прибрежные жители, живут морем и торговлей. Их корабли достигают самых отдаленных уголков мира. Они отважные мореплаватели, и не только мирной торговлей промышленяют. Половина морлиннов – морские разбойники, пираты. На ярмарках прибрежных городов можно купить абсолютно все, от оружия и украшений до рабов.

Если идти по другой стороне этих гор на запад и понемногу забирать к северу, можно добраться до урукхайских поселений. Урукхи обосновались там, где нет ни людей, ни гмуров. Это недоверчивый, но спокойный и немногословный народ. Вид, конечно, у них не ахти – они высокие и широкоплечие, крепко сложены, очень сильные физически. Это охотники и земледельцы, добывающие пропитание тяжелым трудом. Они ни у кого не просят помощи. Многие считают их недалекими и туповатыми, но это далеко не так, они весьма сообразительны и у них прекрасная память. Когда-то, в незапамятные времена, урукхи слыли яростным и воинственным племенем, нагонявшим страх на соседние с ним народы. Теперь всё изменилось. Хотя, если урукха разозлить, как следует, то не позавидуешь тому, кто подвернется ему под руку.

Запад изобилует величественными городами. Люди там надменные и гордые, избалованы роскошью и благополучием, хотя спокойной их жизнь назвать нельзя. С юга нередко нападения диких варваров на эти богатые земли. Но у западнюков хорошо вооруженная и обученная армия. Я пока не слышал, чтобы хоть один южанин пересек границ Магистерской Унии. Эта непобедимость – следствие правления магов в Унии. Никто не может им противостоять. Срок жизни магов измеряется столетиями, а сила их неизмерима, и никто никогда ещё не осмеливался противостоять им. Они постепенно подминают под себя земли, граничащие с Унией. Когда мы с тобой прибыли в Ранготан, посланцы от Магистерской Унии как раз были у Глова. Ну, хватит расслаиваться. Бери меч. Посмотрим, насколько хорошо ты усвоила мои уроки.

В течение следующих трех часов Вера и думать забыла об урукхах, гмурах и всех прочих. Ори устроил ей настоящий экзамен по начальной военной подготовке. Не было предварительных инструкций с применением палок вместо оружия. Не было прежних предупреждающих возгласов. Он просто взял свой меч и попытался её убить, по крайней мере, так показалось Вере. И пару раз ему чуть было это не удалось – её левое плечо кровоточило, задетое острой сталью. В конце концов, Вера просто отключила свой цивилизованный мозг, перестав анализировать ситуацию, и предоставила тренированному телу абсолютную свободу действий. И тело не подвело. Оно привычными движениями отражало атаки и выпады тяжелого сверкающего клинка. С неё сошло семь потов, прежде чем Ори милостиво разрешил передохнуть. По лицу Веры стекал пот, дыхание обжигало пересохшее горло, грудь ходила вверх-вниз, как у загнанной лошади. Посмотрев на Веру, упавшую на колени и глядевшую на него исподлобья, он довольно улыбнулся, и произнес:

– Молодец, теперь я вижу, что передо мной настоящая довгарская воительница. Ну, а эта царापина заживет. Даю двадцать минут на отдых, и продолжим.

Вера едва успела отдышаться, как последовало продолжение, заключавшееся в стрельбе по набитой соломой шкуре козленка. Руки дрожали, сбивавшееся дыхание мешало взять верный прицел, и стрелы большей частью летели мимо чучела. В конце концов, Вера не выдержала. Опустившись на землю и, не сдержав брызнувшие из глаз злые слезы, закричала:

– Может, хватит?! Я что, в наёмники собираюсь, или ты просто решил меня добить, и бросить здесь? Как хочешь, но я больше с места не двинусь! Ты сам говорил, что перед переходом через горы надо отдохнуть. А я сейчас устала больше, чем за весь пройденный путь от Гленартана!

Брови Ори сурово сошлись на переносице:

– Ты думаешь, что я ради собственного развлечения гоняю тебя мечом по поляне? Или, может, ты считаешь, что я испытываю массу удовольствия, заставляя тебя до боли в плечах натягивать тетиву лука? Я не хочу, чтобы в первой серьёзной стычке тебя искромсали на мелкие кусочки, понимаешь?! То, что случилось пять дней назад, просто детская забава. В настоящем бою у тебя не будет и минуты на передышку, или обдумывание следующего шага! Ты должна суметь сама защитить свою жизнь, или, если придется, свободу, потому что иногда смерть лучше того, что может ждать человека, проданного в рабство! Я лишь пытаюсь помочь тебе вспомнить то, чем ты в совершенстве владела раньше, до того рокового дня на Дерне. Ведь тебе не было равных среди наших воительниц! Так неужели ты согласна приуменьшить то, на что в действительности способна? Подними лук! Продолжим.

Пристыженная Вера поднялась с земли, и подняла брошенный в порыве негодования лук, при этом мысленно пообещав больше не жаловаться, как бы ни было тяжело. Ори, приняв во внимание недавнюю её вспышку, ослабил напор. Но прошло ещё часа три, прежде чем он проронил: «Хватит на сегодня». Вера без сил опустилась на ворох травы, служивший ей постелью. Ори молча принялся разводить огонь, не глядя в её сторону.

– Прости, пожалуйста. Я больше не буду, – услышал он.

Повернув голову, он взглянул на неё, и у него защемило сердце. Он увидел измученную, потерянную и донельзя обессиленную дочь, свернувшуюся калачиком на подстилке из травы. Но глаза её были сухи. Подойдя к ней, Ори опустился рядом, и обнял её за плечи:

– Девочка моя. Это ты прости меня, я был слишком резок. Но пойми и меня тоже – я просто хочу научить тебя жить и выживать в этом мире. Я не хочу, чтобы ты покинула его раньше отведенного тебе срока. Я боюсь потерять тебя, – и он погладил её по густым волосам.

Вера склонила голову, чтобы он не заметил, как задрожали её губы, и затуманились глаза. «Выжить в этом мире. В твоём мире, Ори. Ты даже не предполагаешь, насколько ты сейчас близок к истине», – подумала она, а вслух произнесла:

– Да, я все поняла.

– Ну, вот и славно. Отдыхай, я сам займусь ужином. А потом постарайся хорошо выспаться, завтра в путь. Надеюсь, за три дня мы этот перевал одолеем.

На следующее утро Ори милостиво позволил Вере выспаться, и разбудил её уже в последний момент. Лошади были оседланы, поклажа уложена. Вера наскоро умылась, быстро расправилась с приготовленным завтраком, и поход возобновился. Ори шел впереди, ведя под уздцы своего вороного, к которому была привязана вьючная лошадь. Следом поднималась Вера, держа в руке поводья Крепыша. Тропа была достаточно широка, и не казалась заброшенной. Ори шел осторожно, памятуя о возможных сюрпризах со стороны местных обитателей. Тропа вилась по каменистому склону горы, прихотливо огибая серые глыбы. Подъем

длился уже около двух часов, а вершина не приблизилась на сколько-нибудь заметное расстояние. Обойдя очередной валун, Вера оглянулась назад, надеясь увидеть далеко внизу место их стоянки, и была неприятно удивлена. Оно оказалось намного ближе, чем могло бы показаться, учитывая, сколько времени они уже идут. Извилистая тропа со всевозможными зигзагами и поворотами делала продвижение вверх удобным, но далеко не быстрым. Досадливо вздохнув и поморщившись, Вера подумала: «Так мы по этому серпантину не три, а все шесть дней плестись будем», и ускорила шаг. Недолгий привал сделали, когда солнце стояло высоко в небе, покрытом облаками. После получасового отдыха путь продолжился. Шли до самого вечера, ускорив темп. Ори с беспокойством поглядывал на небо, затягиваемое темными низкими тучами. Заметно похолодало, подул холодный пронизывающий ветер, и пришлось запахнуть плотнее плащи и накинуть на головы капюшоны.

– Надо поторопиться и найти укрытие, ночью будет дождь, – проронил Ори, оглядывая склоны в поисках подходящего места для ночлега.

На путников уже опускались густые сумерки, а небосвод сплошь заволкло темной серью, когда, наконец, Ори удовлетворенно хмыкнул, и потянул лошадей с тропы. В стороне от дороги огромные камни, привалившись друг к другу, образовали уютную пещерку, достаточно большую для того, чтобы там могли поместиться и люди, и кони. Быстро расседлав лошадей, заложили камнями дыры в импровизированных стенах, и развели костерок, пустив на топливо невысокий кустарник, росший вблизи их обиталища. Путники наслаждались теплом от огня и горячим душистым чаем, когда на землю упали первые капли дождя. Постепенно дождь усиливался, и время от времени порывы холодного ветра доносили до сидящих у костра людей брызги воды. Ори покачал головой:

– Плохо. Если дождь скоро не утихнет, тропа превратится в месиво из воды и глины. Мы не сможем дальше идти, пока она не просохнет хотя бы немного.

Словно в ответ на его слова шум снаружи усилился, и вода ручьями потекла вниз по склону. Вера, завернувшись в теплый шерстяной плащ, разморенная теплом и отдыхом, клевала носом. Посмотрев на неё, Ори достал из выюков одеяла, соорудил две постели, и она с наслаждением вытянула натруженные ноги.

Сон прервался внезапно, нарушенный посторонним звуком, совсем не вписывающимся в монотонный шум дождя. Всхрапывали, переступая копытами, лошади. Мерцающие в темноте угли костра отбрасывали алые блики на стены, и освещали тусклыми кровавыми отблесками фигуру Ори. Он стоял у входа, и, подавшись вперед, напряженно вслушивался в доносившиеся снаружи, из холодной недоброй мглы, звуки.

– Что случилось? – Вера, придерживая на плечах одеяло и поёживаясь, подошла к нему.

– Ч-ш-ш, тише, – Ори предостерегающе поднял палец, – слушай.

В шум дождя, сопровождающийся журчанием бегущих вниз по склону ручьев грязной воды, вдруг вплелся посторонний звук – протяжный, полный отчаяния крик. Ори встрепнулся, и повернул голову в ту сторону, откуда донесся зов. По спине Веры побежали мурашки, она вцепилась мужчине в рукав и прошептала:

– Что это? Там кто-то есть!

– Кто-то просит о помощи, – Ори отошел от входа, и остановился у костра, глядя на тлеющие угли.

– Так надо помочь! – воскликнула Вера, сбрасывая одеяло. Она быстро раздула угасающий огонь, подбросила в него веток и устремилась к тюкам. Крик из темноты донесся снова, уже слабый и полнившийся безнадежностью.

– Что ты хочешь делать? – спросил Ори, наблюдая, как она вытаскивает веревки.

– Как что? – Вера остановилась, удивленно глядя на танеда. – Там же человек в беде!

– Откуда ты знаешь, что это человек? Может быть, это гмур, или, хуже того, варнинг? А может быть, это вообще зверь. Ты сама не знаешь, что может случиться, если мы сейчас

покинем это надежное убежище, и выйдем из-под защиты огня. Каждый сам отвечает за себя, а я в данный момент отвечаю и за тебя, и не намерен рисковать нашими жизнями. Успокойся и иди спать.

– Спать? Спать?! – Вера задохнулась от возмущения. – Да как можно говорить о спокойствии и сне, если там, снаружи, кто-то прощается с жизнью! Какая разница – гмур, варнинг или довгар – он же жи-во-ой, понимаешь? Пока ещё. По-моему, смелость и доблесть заключаются не только в умении сразить врага, но и в благородстве по отношению к нему! Кем бы он ни был. А если бы там сейчас был твой сын, а, Ори? Спи, если твоя совесть тебе позволяет, я справлюсь одна, надо торопиться.

Она гневно передернула плечами, и направилась к лошадям. Ори, нахмурившись, смотрел, как она повязывает один конец длинной веревки на шею гнедого. Потом, обвязав другим концом себя за талию, и намотав веревку на локоть, Вера направилась к выходу.

– Подожди. Я пойду сам. Ты останься здесь, будешь смотреть за лошадьми, и вытягивать меня.

Ори скинул плащ и куртку, оставшись в одной рубашке. Затем обвязался веревкой, проверил, легко ли вынимается из ножен кинжал, и, переступив порог пещеры, канул во тьму. Вера, понемногу стравливая веревку, услышала его громкий зов. Ответом ему была тишина. Довгар крикнул ещё, и на это раз мгла отозвалась, порыв ветра донес до него голос, в котором звучала обретенная надежда.

Вода, несущаяся со склонов, сбивала с ног. Поминутно оскальзываясь на хлюпающей под сапогами глине, и пытаясь ухватиться за попадающиеся на пути валуны и ветки кустарника, Ори пробирался в ту сторону, откуда слышался голос. Останавливаясь через каждые десять – двенадцать шагов, он звал и ждал ответа, а потом снова продвигался вперед, ориентируясь на становившийся все более отчетливым звук. Потоки холодной воды, низвергавшейся с неба, насквозь промочили одежду, а пронизывающий ветер леденит тело и сводил судорогой мышцы. Кругом стояла темень, и Ори шел, полагаясь лишь на свой слух, да на крепость веревки – единственной ниточки, связывающей его с Вайрой. Крикнув в очередной раз, он совсем рядом услышал слабый отклик, и, пройдя ещё несколько шагов, наткнулся рукой на шершавую поверхность камня. Под ним кто-то шевелился и постанывал. Ори нагнулся и пошарил рукой в темноте:

– Эй, кто тут? Ты здесь? Э-э-й!

– Да здесь я, – отозвался хриловатый голос на довгарском языке с легким акцентом.

– Хватайся за руку, да нет, это нога, выше. Теперь вставай, идем.

– Не могу, меня этим булыжником придавило.

– О, великие боги! Ладно, попробую столкнуть его, вода поможет.

Ори обошел камень, ощупывая под ним почву и примериваясь, в какую сторону его толкать. Неизвестный в это время сопел, кряхтел и плескался, очевидно, пытаясь высвободиться. Валун был не слишком большой, но влип в мокрую землю основательно. Раскачать и столкнуть его вниз не представлялось возможным, оставалось одно – помочь воде немного сдвинуть его с места. Опустившись на колени, Ори принялся выгребать из-под валуна мокрую глину с наклонной стороны, осторожно проверяя устойчивость камня. Решив, что вырыто достаточно, он навалился на глыбу с противоположной стороны, и, поднатужившись, попытался сдвинуть его с места. Туго-туго, как бы нехотя, валун сдвинулся с места, и, подхваченный потоками струящейся вниз воды, ненадолго съехал вниз. Ори, потеряв равновесие, свалился прямо на лежащего человека.

– Все, – отдышавшись, проговорил он. – Теперь вставай и пошли, держись за меня.

Послышалось чавканье сырой глины и кряхтение, сменившееся резким вскриком и звуком упавшего тела.

– Я не могу встать. Кажется, у меня нога сломана, – донесся до Ори слабый голос снизу.

– А, зараза! Ну, ты и счастливчик! Это твоё «везение» – оно, случайно не заразно? Хватайся за шею, садись на спину, как-нибудь донесу.

– Мешок.

– Что?

– Мешок мой тут где-то.

Ори зло выругался, и принялся шарить по земле в поисках указанного мешка. Вскоре рука наткнулась на довольно ощутимый тук, из которого торчала рукоять то ли инструмента, то ли оружия. Подхватив его, довгар вернулся к лежащему на земле человеку. Мешок он повесил на грудь, затем, подхватив на закорки постанывающего спасенного, двинулся в обратный путь. Мешок ощутимо оттягивал шею, и несколько раз, пытаясь поудобнее пристроить обе свои ноши, Ори падал в жидкую грязь. Свалившись в очередной раз и сбросив охнувшего седока, он позволил себе немного отдышаться.

– Ну, ты и тяжелый, – произнес Ори. – И мешок твой чуть ли не того же веса. Ты что его, камнями набил? – в ответ раздалось неразборчивое бурчание.

Послушно двигаясь по натянутой веревке, Ори разглядел впереди слабо мерцающий огонек. По мере приближения огонь становился ярче, и вскоре Вера, медленно выбирающая веревку, увидела выступившего из пелены дождя Ори с ношей на плечах. Едва ступив на порог, он рухнул, вконец обессиленный. Вера бросилась к пришедшим. Понимающе кивнув на произнесенное спасенным: «Нога», она осторожно помогла ему перебраться дальше вглубь пещеры, и усадив поближе к огню, направилась к Ори. Тот уже поднялся, и, пошатываясь, принялся снимать промокшую одежду.

– Поддай мне плащ, – попросил он Веру. Она быстро исполнила его просьбу, и опустилась возле незнакомца. Он был невысок ростом, но широкая грудь и мощные руки говорили о недюжинной силе. Крупное курносое лицо обрамляла густая борода, спадающая до середины груди. Цвет бороды, как и длинных волос, перетянутых на лбу ремешком и заплетенных сзади в косу, было трудно определить из-за покрывавшей их грязи. Возраст незнакомца тоже не поддавался определению. Одет он был в поношенный кафтан, доходивший до колен, такие же штаны и невысокие сапоги с отворотами. На широком поясе, в противоположность прочему одеянию, богато отделанному разноцветной вышивкой и драгоценными камнями, в таких же дорогих ножнах покоился недлинный нож с резной рукоятью. Почувствовав прикосновение, незнакомец открыл глаза, и на Веру из-под кустистых бровей глянули карие глаза. Взгляд был глубоким, пронизательным и чистым.

– Вам нужно переодеться, вот одеяло. Не стесняйтесь, я отвернусь. А одежду давайте мне, я сполосну её под дождем и высушу у огня, – Вера улыбнулась незнакомцу.

– Благодарю, госпожа. Я с удовольствием последую этому совету, если ваш спутник, благородно спасший меня от неминуемой гибели, не будет возражать, – голос был хриплым и низким.

– Не буду. – Ори, уже скинувший мокрую одежду, и завернувшийся в теплый плащ, презрительно кривя губы, в упор рассматривал спасенного.

– Надо же, какое вежливое нынче гмурье пошло. Интересно, если бы ты встретил нас на тропе при других обстоятельствах, был бы ты так же вежлив, или просто всадил бы нам топор в спину, а? Говорят, вы своими кирками да топориками не только камушки колоть можете, но и головы людские, – и Ори ногой коснулся торчащей из мешка рукояти.

Гмур перевел взгляд с лица Ори на мешок, и резким движением потянулся к нему. Но человек оказался проворнее, и, подхватив тук за лямки, отбросил подальше в сторону. Большая нога мешала гмуру двигаться, и он, оставив попытки дотянуться до своей поклажи, привалился спиной к стене и спокойно произнес:

– Если бы я встретил вас на тропе при других обстоятельствах, вы бы меня и не увидели. А бить в спину у нас не принято, и без особой нужды мы никого не трогаем. Вы, люди,

сами придумали себе эти бредни, чтобы оправдать собственную кровожадность. Неужели ты тащил меня, рискуя собственной жизнью, только для того, чтобы узнать о наших привычках? Может, позволишь мне воспользоваться хваленым довгарским гостеприимством? А содержимое мешка я сам тебе потом покажу.

С этими словами спасенный принялся развязывать шнурки на кафтане. Ори, не двигаясь, смотрел, как, морщась от боли, тот пытается стащить сапог с раненой ноги. Вера, укоризненно взглянув на мужчину, бросилась помогать.

– Отойди, – произнес Ори, подходя и опускаясь рядом. – Лучше согрей воды, и приготовь что-нибудь для перевязки.

Освободившись с помощью Ори от мокрой и грязной одежды, и завернувшись в одеяло, бородач позволил осмотреть свою левую ногу. Колено распухло, при прикосновении к нему пальцев Ори лицо пострадавшего скривилось, но он не издал ни звука. Вера стояла рядом, и держала наготове чистое полотно. В котелке у огня остывала вскипяченная вода. Хорошо прощупав больное колено, Ори довольно улыбнулся:

– Перелома нет, обычный вывих. Сейчас вправим. Ну, держись, гмур.

Покрепче ухватив за массивную щиколотку, Ори дернул изо всех сил. Вера, зажмурившись, ожидала оглушительного вопля, но вместо него раздался хриплый негромкий рык, сопровождавшийся руганью на чужом языке, и потом фраза на довгарском:

– Что ж ты делаешь, коновал ты этакий.

– Ладно, не благодари, – Ори усмехнулся, ополоснул ногу теплой водой, и, приняв из рук Веры полотно, принялся туго забинтовывать вправленное колено. Обессиленный гмур привалился спиной к стене, и прикрыл глаза.

– Тебя как звать то, гмур? – Ори привычным движением наложил повязку, и, проверив, туго ли она сидит, прикрыл больную ногу одеялом.

– Строудирон, из рода Дорнов, – открывая глаза, произнес тот. – И хватит обзывать меня гмуром. Мой народ зовется огонами.

Ори поднял глаза и уставился на пациента.

– Строудиро-он? – оторопело протянул он, и, не сдержавшись, фыркнул. – Это кто же тебя так то?

– Не твое дело, – огрызнулся тот, и, посмотрел на Веру. – А друзья зовут меня Троди.

Вера принялась накрывать на стол, точнее, на кусок холста, расстелив его поближе к Троди. Тот, в свою очередь, попросил передать ему его мешок, и под пристальным взглядом Ори вынул из него свои припасы. К сожалению, всепроникающая вода испортила их, и под горестные восклицания огона их пришлось выбросить. Но того, что выложила Вера, с лихвой хватило утолить голод всем троим. Троди работал челюстями, с одинаковым аппетитом поглощая все, что было. Только когда Вера разлила по большим кружкам горячий ароматный травяной чай, он поморщился и произнес:

– Разве снаружи воды недостаточно, чтобы заливать её еще и внутрь? А если необходимо как следует согреться, нужно кое-что покрепче, чем кипяток.

Порывшись в своем мешке, он выудил из него объемистую фляжку. Вытащив пробку, повел носом над горлышком, и с протяжным «А-х-х», отхлебнул добрый глоток. Потом, довольно утерев ладонью губы, передал флягу Ори. Тот, приняв её, тоже принялся, и, промывав «У-м-м!», в свою очередь приложился к горлышку. Потом передал сосуд Вере со словами:

– пей, не бойся. Замечательное вино.

Вера плеснула себе немного темно-красной жидкости в пустую кружку, и с некоторой опаской пригубила. Сладкое густое вино приятно отозвалось на языке незнакомым вкусом, и согрело грудь. Фляжка вернулась на свое место в мешок огона. Напиток согрел тела и сердца, изгнал чувство недоверия из душ, и развязал языки. Как давно знакомые, старые друзья, два

человека и огонь сидели у ласкового огня. Вокруг их пристанища бушевала непогода, и на много миль вокруг не было ни одного живого существа. А в маленькой пещере мирно потрескивали дрова в костре, освещавшем склоненные к нему лица, и время от времени переступали копытами лошади, тоже радующиеся благодатному теплу. Но вскоре усталость взяла своё, и все трое улеглись спать. Вера и Ори устроились на одном одеяле, уступив вторую постель Троди. Он, повалившись на предложенное ему место, тотчас же заснул. Вымотавшийся Ори тоже не заставил себя долго ждать. Вере же не спалось. Глядя на мерцающие угольки, она прислушивалась к тихому дыханию мужчины у себя за спиной, спавшему глубоким сном. Огонь, напротив, ворочался и постанывал во сне, что-то бормотал по-своему, и, время от времени, судорожно вздыхал. Наконец веки её сомкнулись, и она тоже заснула.

Проснувшись, Вера первым делом отметила, что не слышит шума дождя. Потом почувствовала, что пахнет дымом, но не от костра, и что на неё смотрят. Открыв глаза, она натолкнулась на внимательный взгляд Троди. Он был одет в уже подсохшую одежду, и сидел, как вчера, прислонившись спиной к стене, покуривая трубку и разглядывая её. Было совсем светло, сквозь пордевшие тучи в пещеру проникали солнечные лучи. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Первым прервал молчание Троди.

– Ты ведь не из довгаров, как твой спутник, – полувопросительно, полутверждающе сказал огонь.

– Мой отец был довгаром, а мать нимхийкой. Они погибли.

– Нимхийкой? Невероятно. А Ори?

– Он воспитывал меня с детства, и теперь вместо отца.

– Понятно. Значит, тоже полукровка? Н-да.

– Что значит «тоже»?

– Да вот то и значит. Я ведь только на три четверти огонь. Мой дедуля, да будут ему камни пухом, умудрился влюбиться в девчонку из морлиннов, когда ходил с караваном в прибрежные города. Огоны – народ постоянный, однолюбы. Долго он её добивался, самоцветами задаривал, сам в том городе поселился. Свихнулся на ней, одним словом. Не знаю, чем он её взял – то ли дарами богатыми, то ли и вправду она к нему чувствами прониклась, в общем, привез он её сюда, в горы. Тут папаша мой и родился. А ей скучно здесь стало, да и смотрели на неё косо – чужая, одним словом. Вот она и сбежала обратно домой, немало при этом добра прихватив. А незадачливого моего предка тогда чуть не выгнали, но ради сына простили, взяв обещание, что воспитает его как добропорядочного огона. Обещать-то все можно, а только кровь – не вода, родства не скроешь. Тяжело отцу моему приходилось, и в детстве, когда его «пиратом» дразнили, и когда вырос уж. Сильно он от остальных отличался – не только внешне, но и думал по-другому. Те способности, которыми остальные наши сородичи обладают от рождения, у него наполовину, если не больше, исчезли. Вот и завалило его в шахте. Хотя жениться все же успел, и меня родить. Дед тогда ещё жив был, он меня имечком и осчастливил. Бабку мою Строудирелла звали, вот он меня в её честь и назвал.

– Интересная история.

– Твоя наверняка интереснее. Нимхи – немногочисленная, очень древняя исчезающая раса. Её остатки доживают свой век в горах в неизвестности. О них нет никаких упоминаний в древних книгах, потому что когда эти книги писались, о нимхах уже забыли. Через сто пятьдесят – двести лет на земле не останется ни одного представителя этого народа. Они свято блюдут чистоту своей крови, постепенно вырождаясь, и я безмерно удивлен, что ты вообще жива. Я слышал, что детей от смешанных браков они просто убивают.

– Её жизнь выкуплена дорогой ценой, – повернувшись, они увидели стоявшего в проеме Ори, слышавшего весь их разговор. – И хватит об этом. Давай лучше поговорим о твоей жизни, которой, как сам понимаешь, ты обязан нам. Расскажи, что с тобой случилось, – произнес он, усаживаясь рядом с Верой.

– Особенно рассказывать нечего. Живу я один, друзей у меня мало, и часто приходится работать без напарника. Здесь неподалеку есть выработанная шахта, туда уже лет тридцать никто не заглядывал, и есть опасность обвала. Она мне давно покоя не давала, вот четыре дня назад я и решил в неё наведаться. Пошел один – если что случится, только за себя в ответе буду, а обо мне беспокоиться некому. Три дня спокойно прошли, а вчера вечером гляжу – с потолка вода просачиваться начала. Я что успел, в мешок покидал, и наверх, а за мной уж и стены обваливаться начали. Еле-еле на поверхность выбрался, а тут темнота, дождь хлещет. Но я дорогу до своей норы хорошо помню, мешок на плечи, и пошел. Остановился у камня отдохнуть, а его водой подмыло, он прямо на меня съехал и под себя подмял. Тут еще вода прибывать начала, того и гляди, захлебнусь. Вот и принялся звать, хотя не думал, что кто-нибудь услышит. Я ваш должник. Как вы вообще здесь оказались, да еще в такое время?

Ори выслушал рассказ огона, и, кивнув в сторону Веры, произнес:

– Скажи ей спасибо, если бы не она, лежал бы ты сейчас не у огня, а в яме с водой, вместе со своим мешком с булыжниками. А на твой вопрос я отвечу позже, если сочту нужным.

Троди церемонно поклонился Вере, и, немного подумав, сказал:

– Моя благодарность не знает границ. Но не в качестве платы за спасение, а в знак моей дружбы и восхищения твоей добротой прими этот дар.

Троди запустил руку в мешок и вынул из него маленький сверток. Благоговейно развернув тряпицу, он протянул Вере свой подарок.

На широкой ладони огона лежал небольшой, длиной в одну фалангу, продолговатый камень темно-зеленого цвета. В середине камня черной тонкой полосой был обведен овальный контур. Внутри контура цвет камня менялся на светло-зеленый, а в самой середине его сверкала золотая искорка.

– Эти камни назывались у нас «Око дракона» – тихо сказал огон. – Очень редкая вещица. Последний нашли лет сто назад. А этот, среди прочих «булыжников», я нашел два дня назад в той старой шахте. Согласно поверьям, этот камень приносит удачу своему обладателю – но только в том случае, если попал в руки хозяина добром.

Вера протянула руку и коснулась камня. Он был легким, гладким и теплым. Она поднесла его к глазам, чтобы рассмотреть получше золотую искру. Вглядевшись, вдруг почувствовала, как закружилась голова, её словно подняло в воздух, а золотая искорка заполнила все вокруг, превратившись во всепоглощающее солнце. Вера отшатнулась от камня, и увидела, что ничего не произошло. Ори с любопытством осмотрел подарок, повертев его в руках, и вернул ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.